

358
Е. ПОСЕЛНИНЪ.

РУССКІЕ ПРАЗДНИКИ
ПОСЛѢДНИХЪ
ТВОРЪ.

Безплатное Приложеніе
къ Журналу
Русскій Паломникъ.

СОЧИНЕНІЯ Р. Л. СТИВЕНСОНА.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Въ 12 томахъ Цѣна 18 руб.

Ильщное изданіе на веленовой бумагѣ.

Т. I. Островъ сокровищъ.	Т. VII. Сентъ Ивъ.
Т. II. Мастеръ Баллантра.	Т. VIII. Черная стрѣла.
Т. III. Сечерн. бесѣды на островѣ.	Т. IX. Новая арабскія ночи.
Т. IV. Путешествіе внутрь страны.	Т. X. Весел. ребята и др. разск.
Т. V. Психищенный.	Т. XI. Тѣна корабля.
Т. VI. Катріона.	Т. XII. Принцъ Отто.

Цѣна каждого тома отдѣльно 1 руб. 50 коп.

Р. Л. Стивенсонъ,—оригинальнѣйшій, единственный въ своемъ родѣ романистъ,—является родоначальникомъ всей современной «литературы приключеній». Несравненный пѣвецъ моря и моряковъ, образцовый бытописатель морской жизни, онъ въ этой области не имѣетъ соперниковъ во всемирной литературѣ новѣйшаго времени.

Издательство П. П. Сойкина, Птгр., Стремянная, 12.

358

оиміамомъ означаетъ молитвы, приносимыя ею ко Господу за всѣхъ. Вотъ, какова нынѣ ваша возлюбленная Катинька, которая и объ нашемъ спасеніи молится нынѣ Богу!»

Вотъ — ученица, вполне достойная своего великаго учителя-подвижника!

Кончина, въ 1862 году, восьмидесятилѣтняго старца отца Моисея была тяжелымъ ударомъ для о. Антонія. Его скорбь была невыразима. Первые сорокъ дней по его смерти онъ провелъ въ совершенномъ уединеніи. Затѣмъ въ теченіе цѣлаго года, сколько было возможно, уклонялся отъ людей. Все время вспоминая о братѣ, онъ постоянно читалъ Псалтирь по немъ, и упоминаніе въ разговорѣ объ усопшемъ вызывало въ немъ слезы столь обильныя, что разговоръ долженъ былъ даже прекращаться.

Нѣсколько разъ предлагали ему, чтобы онъ, близкій свидѣтель духовныхъ подвиговъ о. Моисея и довѣренный его чело-вѣкъ, составилъ записки о его жизни, но старецъ отказывался, ссылаясь на то, что бесѣды о немъ заставляютъ его плакать и лишаютъ возможности нужнаго для такого дѣла спокойствія. Жаль, что тайна, одному ему извѣстная о сокровенной духовной жизни о. Моисея, унесена о. Антоніемъ съ собою въ могилу.

О. Антоній постоянно ощущалъ около себя присутствіе и близость брата. Не проходило дня, чтобы покойный во снѣ не являлся о. игумену, и ихъ души постоянно между собою бесѣдовали. Замѣчательно смиреніе, проявленное о. Антоніемъ относительно новаго настоятеля о. Исаакія, который былъ гораздо моложе его. Онъ и предъ нимъ смирялся, какъ послѣдній послушникъ, и у него въ настоятельской передней ставалъ, пока его не замѣтятъ.

Какъ-то, въ двенадцатый праздникъ, новый настоятель, зная, что послѣ обѣдни о. игуменъ пойдетъ къ трапезѣ, велѣлъ поставить около своего мѣста стулъ для о. Антонія. Когда, утомленный продолжительною службою и страдающій ногами, старецъ пришелъ и увидалъ приготовленное ему мѣсто, онъ просилъ настоятеля позволить ему во время братской трапезы почитать съ кафедры поученіе. Такимъ образомъ, онъ избѣгъ чести сидѣть рядомъ съ настоятелемъ, а обѣдалъ потомъ съ новоначальными и несшими трапезное послушаніе.

На другой годъ по смерти брата о. Антоній исполнилъ давнюю свою мечту, побывалъ на богомольѣ въ Воронежѣ, у мощей святителя Митрофана, и въ Задонскѣ, у мощей новоявлен-

XVII-1798.

наго святителя Тихона. Въ семидесятилѣтнемъ возрастѣ о. Антоній былъ келейно постриженъ въ схиму. Онъ прекратилъ тогда пріемъ мірскихъ лицъ, а братію сталъ принимать изрѣдка и на короткое время. Очевидцы передають, что видъ его сталъ теперь еще благолѣпнѣе, отъ постоянной молитвы, высокихъ чувствъ, переполнявшихъ его душу, его лицо просвѣтлѣло и сіяло высокой радостью. Ясно было усугубленіе въ немъ благодати. Теперь исчезъ въ немъ страхъ смерти, къ которой онъ относился прежде съ трепетомъ. Онъ думалъ о смерти теперь съ великой радостью и открыто о ней говорилъ.

Лицамъ, посѣщавшимъ его въ 1864 году, нѣкоторымъ онъ предсказалъ, что болѣе съ ними не увидится. Другимъ сказалъ, что они увидятся предъ смертью еще разъ. И все это сбылось. Въ томъ же ноябрѣ онъ написалъ собственной рукой одной духовной дочери молитву за новопреставленнаго духовнаго отца:

«Призри благосердіемъ, всепѣтая Богородица, на душу усопшаго раба твоего, здѣ лежащаго новопреставленнаго (имя рекъ), и моли Сына Твоего и Бога нашего, грѣховъ юности и невѣдѣнія его не помянути, и святыми твоими и всесильными молитвами сподоби его со святыми въ вѣчной славы царствовать: ибо Ты еси спасеніе рода христіанскаго, и Тебѣ дана оладать молиться о семъ».

Приготовленіе его къ смерти особенно ясно обнаружилось въ немъ тѣмъ, что онъ съ начала 1865 года совершенно пересталъ списывать книги и отказывался отъ тѣхъ, которыя ему предлагали, говоря, что ему теперь уже ничего не нужно. Для понужденія себя онъ велѣлъ написать крупными буквами на бумагѣ: «не теряй времени», и эту записку укрѣпилъ надъ своею кроватью.

Всякій день остающейся жизни ему хотѣлось употребить на приготовленіе себя къ вѣчности, и онъ говорилъ:

— Вѣдь, я теперь новоначальный. Онъ сталъ труды прилагать къ трудамъ и подвизаться, какъ бы молодой и здоровый человѣкъ.

Страданіе ногъ его все усиливалось. Но онъ перемогался и ходилъ въ церковь. Братъ, служившій ему, старался поддерживать его, видя его муки, но онъ терпѣливо говорилъ: «Ну, ужъ прости, Бога ради», шель въ церковь, съ трудомъ передвигая ноги и испуская стоны.

Седьмого іюля, наканунѣ праздника Казанской иконѣ Божіей Матери, въ немъ открылась предсмертная болѣзнь, припадки тифозной горячки отъ закрытія застарѣлыхъ цынготныхъ язвъ на ногахъ, и значительное разстройство пищеваренія.

Одной изъ духовныхъ дочерей своихъ, которой онъ говорилъ о своей смерти и которая расплакалась, онъ замѣтилъ:

— Что дѣлать, хотя жаль, а надо батьку на погостъ нести.

Казалось, онъ довольно былъ очищенъ страданіемъ за всю свою жизнь, за которую онъ принималъ на себя столько вольной муки, явивъ въ терпѣніи своемъ крѣпость древнихъ изумительныхъ отцовъ, о которыхъ мы воспоминаемъ съ ужасомъ и изумленіемъ. Но къ этой чашѣ прибавлялись новыя и новыя тяжелыя капли.

Онъ былъ лишенъ сна и забывался лишь на короткое время, пищи почти не принималъ и немногими глотками холодной воды утолялъ нестерпимый внутренний жаръ. Но и въ этомъ состояніи онъ болѣе заботился о другихъ, чѣмъ о себѣ. Онъ не отказывалъ въ приѣмѣ никому изъ приходившихъ къ нему, и теперь, въ эти послѣдніе дни, не скрывалъ уже дальше дѣйствовавшего въ немъ дара прозорливости. Онъ словно читалъ въ душѣ каждаго и говорилъ человѣку то наставленіе, которое, какъ яркимъ пламенемъ, обнимало и освѣщало всю жизнь этого человѣка.

Когда одна изъ его духовныхъ дочерей подумала о томъ, не оскорбила ли она въ чемъ старца, и поэтому не рѣшалась ни о чемъ его спрашивать,—тогда онъ, въ прозорливости своей, отвѣтилъ ей:

— Будь совершенно покойна, ни о чемъ не думай! Вручаю тебя покрову и заступленію Царицы небесной. Ей тебя вручаю.

Въ послѣдніе дни жизни старецъ благословлялъ всѣхъ образками, которыхъ роздалъ болѣе тысячи и говорилъ:

— Примите отъ умирающаго на вѣчную память.

Людямъ, просившимъ его помолиться о нихъ за гробомъ, онъ отвѣчалъ просто:

— «Хорошо», или «помолось».

О духовномъ своемъ состояніи онъ признавался:

— Не искушеніе ли это со мною? Другіе передъ смертью имѣютъ страхованія и боязнь, а я—грѣшный человѣкъ, но страха не имѣю, нисколько не боюсь. Напротивъ, ощущаю какую-то радость и спокойствіе, и ожидаю исхода своего, какъ великаго праздника.

Его должна была поддерживать радость близкаго свиданія съ братомъ и память о томъ, какъ тяжело предъ смертью страдалъ его братъ.

Въ началѣ болѣзни о. игуменъ видѣлъ во снѣ о. архимандрита Моисея, который, напомнивъ ему о своей лютой предсмертной болѣзни, увѣщавалъ и его съ мужествомъ претерпѣть до конца, чтобы получить отъ Господа великую милость.

Онъ ежедневно пріобщался и, кромѣ постоянной молитвы, искалъ облегченія въ окропленіи святой богоявленской водой; причемъ—просилъ, чтобы окропляли его самого, его смертное ложе, и всѣ его кельи, читалъ стихи псалма покаяннаго отъ словъ: «окропиши мя воспомъ», до словъ: «Духомъ владычнимъ утверди мя».

— О, какъ нужно это кропление! Какая въ немъ благодать Божія!—говорилъ онъ.

Всегда занятый мыслью о смерти, онъ незадолго до того собралъ сборникъ моленій о тяжко больныхъ, съ канономъ на исходъ души. Въ составъ этого сборника вошли нѣкоторыя неизданныя въ печати молитвы изъ рукописнаго сборника, принадлежащаго Флорищевой пустыни. Одну изъ этихъ молитвъ онъ постоянно просилъ читать надъ собою, Вотъ, ея утѣшительныя для больныхъ слова:

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, заступи, спаси, помилуй и сохрани, Боже, Твоею благодатью душу раба Твоего, брата нашего (или отца) инока (или священника) имя рекъ, и грѣховъ юности и невѣдѣнія его не помяни, и даруй ему кончину христіанску, непостыдну и мирну. И да не узритъ душа его мрачнаго взора лукавыхъ демоновъ, но да пріимуть ангелы Твои свѣтліи, и на страшномъ судѣ Твоемъ милостивъ ему буди: ибо Твое есть единаго Господа, еже миловати и спасати насъ».

Было что-то высокое и изумительное въ этомъ безбоязненномъ и усердномъ приготовленіи къ смерти, какъ къ великому торжеству.. Ибо какое торжество для христіанскихъ душъ въ отозваніи на небо! Когда ему хватало силъ, онъ часто напѣвалъ своей душѣ: «Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная».

Часто онъ восклицалъ:

— Желалъ бы я разлучиться, и со Христомъ быти!

За недѣлю до конца онъ велѣлъ отложить въ особое мѣсто свою схиму и все одѣяніе, въ которомъ желалъ быть положеннымъ въ гробъ.

— Засуетятся тогда,—говорилъ онъ,—пожалуй, не то надѣнутъ еще!

За два дня до конца велѣлъ приготовить предъ собою на столъ овѣчи, ладанъ и кадильницу для совершенія панихидъ, вспомнилъ объ инокѣ, который сколотилъ ему гробъ, и выбралъ для него подарокъ, говоря:

— Это тому брату, что мнѣ домъ дѣлалъ.

Когда одинъ инокъ просилъ себѣ вещь, уже назначенную другому, старецъ сказалъ:

— Я ничего не жалю; и всѣхъ желалъ бы утѣшить, и если бы можно было, самого себя растерзалъ бы и роздалъ бы всѣмъ по кусочку.

Въ другой разъ, говоря объ отсутствующихъ своихъ духовныхъ дѣтяхъ, онъ, разводя въ стороны свои руки, сказалъ:

— Такъ бы всѣхъ собралъ и обнялъ разомъ.

Одну изъ иконъ своихъ онъ поручилъ передать любимому и чтимому имъ калужскому архіерею Григорію, а четки—митрополиту Филарету московскому.

Насталъ день седьмого августа 1865 года,—суббота, послѣдній день жизни о. Антонія. Онъ просилъ, чтобы на него надѣли все облаченіе схимы. По его слабости, не могли надъ нимъ этого исполнить, и схиму наложили сверху. Это его успокоило. Когда же начали служить воскресное бдѣніе, умирающій просилъ придти къ себѣ настоятеля, и сказалъ, что хочетъ принять у него благословеніе на смерть. Потомъ онъ велѣлъ трижды ударить въ колоколъ. Обыкновенно, такими ударами извѣщаютъ братію о чьей-нибудь кончинѣ. Но въ сборникѣ, с которымъ выше упоминалось, сказано:

«Абіе... ударяють въ кампанъ трижды или множае... во еже вѣстно быти братіямъ о тогда преставляющемся братѣ больномъ, яко да молятся о немъ Богу».

Согласно этой записи, старецъ просилъ братію возносить молитвы объ отходящемъ. Онъ началъ самъ читать канонъ на исходъ души, и самъ произнесъ слабымъ голосомъ, но отчетливо его начало: «Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ».

Когда канонъ былъ прочитанъ, онъ сперва лежалъ молча, потомъ грозно взглянулъ въ лѣвую сторону и, поднявъ руку, сжалъ ее. Всѣ присутствующіе затрепетали. Стоявшій у смертнаго ложа одинъ изъ духовниковъ обители съ крестомъ въ рукѣ трижды осѣнилъ крестомъ подвижника, и о. Антоній тихо и мирно дважды вздохнулъ и съ третьимъ, едва замѣтнымъ вздохомъ, мирно отошелъ.

О. Антоній просилъ схоронить себя на новомъ кладбищѣ, гдѣ была схоронена его духовная дочь, Екатерина Александровна Путилова, въ монашествѣ Евфросинія, и гдѣ, по ея завѣщанію, на ея средства была воздвигнута усыпальница, а потомъ и кладбищенская церковь. Но по сношенію настоятеля обители съ Калужскимъ преосвященнымъ было рѣшено схоронить о. Антонія въ Казанскомъ Оптинскомъ соборѣ, рядомъ съ архимандритомъ Моисеемъ. Погребеніе состоялось десятаго августа, при громадномъ стеченіи народа.

Въ обители извѣстно, что тѣла о. Моисея и о. Антонія почитаются нетлѣнными.

Таковъ былъ жизненный путь о. Антонія, послѣдняго изъ русскихъ пустынножителей.

Съ какой ревностью, оставивъ мѣръ, поднялъ онъ на себя благое иго Христово! Съ какимъ усердіемъ и терпѣніемъ несъ онъ крестъ жизни болѣе тягостной, чѣмъ у многихъ другихъ подвижниковъ!

И голосъ вѣры говорить, что имя смиреннаго игумена Антонія рядомъ съ именемъ брата его, архимандрита Моисея, когда-нибудь пронесется по святой Руси во славу и въ святину.

Близко знавшій о. Антонія архимандритъ Антоній, въ письмѣ своемъ даетъ сжатую и мѣткую его характеристику:

«Письмо ваше порадовало меня, хотя въ немъ была смертная вѣсть. А я сегодня спрашивалъ письменно о васъ Н. П.; всѣ ли живы оптинскіе? И на утѣненнй вопросъ получаю къ вечеру вашу отвѣтъ, за который премного благодарю. Скажу нѣсколько словъ о новопреставленномъ о. игуменѣ Антоніи, съ которымъ жилъ я въ скиту около года въ одномъ съ нимъ скитскомъ корпусѣ.

«О. Антоній былъ истинный сынъ матери нашей православной церкви, строгій исполнитель всѣхъ ея заповѣдей и даже совѣтовъ, глубокій знатокъ и хранитель ея уставовъ и преданій. Онъ всею жизнію доказалъ, что монашество возможно и въ наше время, и что заповѣди Христовы тяжки не суть. Отъ пустынножительства, отъ стояній и поклоновъ, и частію отъ болѣзни, которая также привилась къ нему, отъ глухихъ и болятныхъ лѣсовъ Смоленской губерніи, ноги его превратились въ одну язву, невольно напоминающую язвы Христовы.

«Въ юности онъ испытанъ былъ Господомъ необычайнымъ испытаніемъ, вложенъ былъ яко злато въ горнило. Это великое горнило была горѣвшая Москва въ 1812 году. Въ ней о. Антоній съ немногими соотечественниками оставался, какъ бы преданный въ жертву вмѣстѣ съ древнею нашею столицею, Іерусалимомъ Россіи. Въ этой Вавилонской печи дѣвственный юноша, достойный по чистотѣ быть причтеннымъ къ отрокамъ Халдейскимъ, укрѣпился вѣрою въ Промыслъ Божій, изводящій возлюбленныхъ своихъ изъ нечаянія въ желанный покой безмолвія. Онъ, какъ плѣнникъ, носилъ на раменахъ своихъ тяжелый параманъ—непріятельскія ноши, и смиренно преклонялъ выю свою подъ тяжелое иго, наложенное временно десницею Вышняго на всю Россію. Потомъ перешель къ пустынножительству, потомъ—въ ваши лѣса, гдѣ съ братомъ своимъ они были первыми пчелами вашей скитской пасѣки, собирателями и дѣла-

телями того благоухающаго меда и сота, который впослѣдствіи усладилъ и наши изсохшія гортани. Съ того времени прекрасныя цвѣты монашества возрасли въ обители вашей, и доселѣ ее украшаютъ. Потомъ, послѣ краткаго настоятельскаго послушанія, перешелъ къ страдальческому, болѣзненному покою, который увѣнчался, какъ пишете вы, монашескою радостною кончиною его.

«Покойный о. Антоній былъ истинный безкровный мученикъ послушанія. Повинуясь старшему брату—старцу и настоятелю во всемъ, уничижая себя и свою личность, будучи токмо исполнителемъ приказаній отца — брата, онъ, однако же, невольно блисталъ и самъ собою Богомъ данными и усугубленными талантами. Превосходный чтець и пѣвецъ, одинъ изъ лучшихъ уставщиковъ всего монашества, — онъ былъ первымъ украшеніемъ Оптиной, особенно скитской церкви, которая стала для него любимымъ, единственнымъ мѣстомъ духовной отрады, его первую мыслію, его жизнью. Онъ соблюдалъ въ ней порядокъ, ея священный чинъ, возлюбилъ ея красоту, чистоту; готовъ былъ устами отвѣчать малѣйшую пылинку, замѣченную имъ на лицѣ возлюбленнаго его малаго храма, восходившаго при немъ постепенно въ свое благолѣпіе, и срубленнаго въ началѣ его сѣкирою. Служение дѣвственнаго старца было истиннымъ богослуженіемъ. Весь отдаваясь Духу утѣшителю, съ перваго воздвѣянія рукъ онъ до исхода изъ храма не принадлежалъ себѣ, а, кажется, перерождался и соединялся съ херувимами, которыхъ изображалъ втайнѣ пламеннымъ и стройнымъ служеніемъ своимъ.

«Исходя изъ церкви для келейной тихой жизни, онъ становился опять первымъ рабомъ старшаго брата, безмолвникомъ по любви и по благословенію отца. Послушаніе заставило его противу природы своей принять на время настоятельство Мало-ярославецкой. Но, вырванный изъ улья скитскаго, и аскетъ по влеченію сердца, онъ только томился на своемъ послушаніи (не стану говорить, сколь тяжко оно); и потомъ съ радостью возвратился въ родной монастырь и, конечно, оградилъ себя, какъ и въ мое время, цѣлыми стѣнами отеческихъ книгъ отъ всякихъ искушеній, кромѣ болѣзни. Я не зналъ такого любителя чтенія, какъ покойный о. Антоній. Бесѣда съ почившими святыми была для него всегда препровожденіемъ того времени, которое для многихъ течетъ какъ-то тяжело и долго, а для него, при его природной веселости, шло незамѣтно при однообразной скитской жизни моего времени. Скажу, что при строгости къ самому себѣ, при вниманіи устъ, онъ иногда легкою, милою шуткою изрѣдка вызывалъ улыбку ближайшихъ къ нему. Она,

эта шутка, какъ нечаянная искорка или блеск на темной монашеской мантии, тотчасъ потухала».

Закончимъ очеркъ этотъ упоминаніемъ о замѣчательномъ случаѣ, бывшемъ по смерти о. игумена Антонія:

Двадцать шестого октября 1866 года одна духовная дочь о. игумена Антонія, помѣщица Е. С., возвращаясь изъ гостей домой и переѣзжая глубокую рѣку Протву, почти возлѣ самага дома упала съ экипажемъ, кучеромъ и лошадьми съ парома въ воду. Коляска пошла съ помѣщицей ко дну. Кучеръ, стоя на козлахъ, только головою былъ выше воды; лошади то погружались, то выплывали, а помѣщица Е. С. съ экипажемъ съ самага паденія въ воду не показывалась. Находясь подъ водою и сознавая свое ужасное положеніе, Е. С., закрывъ лицо муфтою, обратилась къ молитвѣ; но помощи долго до времени не было, вода все болѣе и болѣе душила ее. Стала цѣпенѣть отъ холода, и открылась сильнѣйшая боль въ груди. Вода чрезъ ротъ устремилась во внутренность. При этомъ, представились ей въ воображеніи всѣ ея дѣти. Она сочла все это предвѣстниками близкой своей кончины, и уже отчаялась въ жизни. Но у нея оставалось еще нѣсколько сознанія. Она вспомнила объ о. игуменѣ Антоніи, и подумала: «Батюшка, я тебя всегда просила о христіанской кончинѣ, а теперь я умираю безъ покаянія». Въ то же мгновеніе ей представилось, что кто-то закрылъ ей ротъ чѣмъ-то теплымъ, и затѣмъ она потеряла сознаніе.

Когда разнеслась вѣсть по деревнѣ, что барыня утонула, и вытащить ее никто не рѣшался, одинъ добрый крестьянинъ, крившій въ то время свой домъ, оставилъ работу и поспѣшилъ на помощь утопавшимъ. Отыскавши доскою въ водѣ экипажъ, и не нашедши въ немъ своей барыни, онъ сталъ искать ее на днѣ багромъ, отыскалъ и вытащилъ безъ всякихъ признаковъ жизни: сердце не билось и пульса не было слышно... Почернѣвшую ее отнесли въ ея домъ. Одежда на ней вся обледенѣла, и ее нельзя было иначе снять, какъ изрѣзавъ на части. Призванъ былъ священникъ и два доктора изъ ближайшаго города.

Спустя нѣсколько времени, священникъ, хотя и не надѣялся получить отъ видимо умершей отвѣта, однако,—спросилъ:

— Не желаете ли, Е. С., приобщиться св. Таинъ?

Къ удивленію всѣхъ, она открыла глаза и сказала:

— Желаяю.

Тотчасъ же она была исповѣдана и приобщена св. Таинъ. При пособіи докторовъ, она нѣсколько оправилась: а съ теченіемъ времени и совсѣмъ укрѣпилась и жила еще долго.

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ТЕОДОТІЙ, АРХІЕПИСКОПЪ СИМБИРСКІЙ И СЫЗРАНСКІЙ.

СТЬ тихіе уголки, которые особенно располагаютъ къ тихой созерцательной жизни. За отсутствіемъ мірскихъ развлеченій люди съ особенною охотою предаются тамъ духовной жизни, особенно крѣпко прилѣпляются душой къ храму, къ его богослуженію, особо ревностно чтутъ своихъ пастырей.

Къ числу такихъ благословенныхъ городовъ принадлежитъ тихій Симбирскъ, старое дворянское гнѣздо.

На людей чуткихъ такія мѣста дѣйствуютъ особенно отрадно при первомъ знакомствѣ съ ними. И одинъ изъ такихъ людей, епископъ Теодотій, о которомъ надлежитъ намъ рѣчь, при первомъ знакомствѣ своемъ съ Симбирскомъ произнесъ въ сердцѣ своемъ обѣтъ: «Се покой мой: здѣ вселюся», и этотъ обѣтъ онъ исполнилъ. Несмотря на предлагавшіяся ему повышения, онъ не измѣнилъ своему Симбирску, и здѣсь трудился, здѣсь и опочилъ, оставивъ память о себѣ, какъ объ іерархѣ ревностномъ, человѣкѣ высокихъ духовныхъ стремленій и подвижнической жизни.

Архіепископъ Теодотій, въ міру Теодоръ Адриановичъ Ивановъ, былъ сыномъ священника села Косицъ, Верейскаго уѣзда, Московской губерніи, и родился въ 1797 году. Образование онъ получилъ въ Московской семинаріи, состоявшей тогда при Николо-Перервинскомъ монастырѣ, въ окрестностяхъ Москвы, и затѣмъ—въ Петербургской духовной академіи, гдѣ получилъ степень магистра богословія.

Принявъ монашество, онъ былъ назначенъ на должность

инспектора и профессора Виѳанской семинаріи, затѣмъ—въ теченіе девяти лѣтъ—былъ ректоромъ Уфимской и Рязанской семинарій и, сорока лѣтъ отъ роду, поставленъ епископомъ Старорусскимъ и викаріемъ Новгородской митрополіи. Сорока пяти лѣтъ отъ роду, въ 1842 году, онъ назначенъ епископомъ Симбирскимъ и управлялъ Симбирской епархіей шестнадцать лѣтъ. За два года до кончины онъ былъ возведенъ въ званіе архіепископа, скончался двадцать восьмого августа 1858 года и былъ погребенъ въ симбирскомъ кафедральномъ Никольскомъ соборѣ.

Преосвященный Ѳеодотій очень любилъ храмоздательство, и—по его заботѣ—при немъ въ епархіи было возведено много новыхъ и украшено много старыхъ храмовъ. Онъ великолѣпно украсилъ симбирскій кафедральный соборъ, возстановилъ сызранскій Вознесенскій монастырь, при которомъ завелъ богадѣльню для престарѣлыхъ и одинокихъ духовныхъ, причемъ—монастырь былъ возведенъ изъ третьяго класса въ первый. Онъ открылъ сызранскій женскій Срѣтенскій монастырь, возстановилъ опустѣвшую Жадовскую пустынь и установилъ ежегодное принесеніе въ Симбирскъ изъ Жадовска чудотворной иконы Казанской Божіей Матери. Онъ обновилъ духовную семинарію, открылъ общежитіе для призрѣнія сиротъ при Алатырскомъ и Сызранскомъ духовныхъ училищахъ открылъ училище для дѣвицъ духовнаго званія при симбирскомъ Спаскомъ монастырѣ. Онъ также заботился о распространении православія среди евреевъ, язычниковъ и магометанъ и. иля навстрѣчу раскольникамъ, устроилъ для нихъ единовѣрческую церковь. Проповѣдникъ, трогавшій своими бесѣдами, исходившими изъ сердца, онъ—въ послѣднее время своей жизни—собралъ нѣкоторыя изъ писаній своихъ, которыя издалъ подъ заглавіемъ: «Утро священнослужителя».

Любимый и чтимый всѣми сословіями губерніи, онъ остался въ памяти жителей Симбирска, какъ архипастырь благообразный, набожный, сильный и увлекательный въ словъ, съ твердою волею и широкими начинаніями, съ постоянною заботою объ обезпеченіи духовенства, о духовныхъ нуждахъ паствы, проникнутый трепетнымъ благоговѣніемъ передъ словомъ Божіимъ, усердный читатель Богоматери, пастырь неустанной ревности въ богослуженіи.

Высота жизни человѣка, обыкновенно, отражается въ его смерти, такъ какъ образъ смерти человѣка бываетъ часто зеркаломъ его жизни. Въ предсмертной болѣзни преосвященнаго Ѳеодотія проявились всѣ высокія качества его души.

Нося имя, означающее—по переводу съ греческаго—«Бо-

гомъ дарованный», преосвященный Θεодотій являлъ въ себѣ образъ архипастыря то величественнаго, то привѣтливо нѣжнаго, какъ отецъ, а быстрый и пронизательный взоръ его какъ бы проникалъ въ толщу жизни его пасомыхъ.

Богатый множествомъ разнородныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ имъ изъ постоянного чтенія, расположенный ко всему доброму и прекрасному, съ благороднѣйшимъ вкусомъ, съ пріятною и привѣтливою рѣчью, преосвященный Θεодотій невольно привлекалъ къ себѣ общую любовь. Въ отношеніи же чина церковнаго онъ казался краскою своей церкви. Отъ души любя храмы, онъ особенно тяготѣлъ къ Никольскому собору, въ которомъ и погребенъ, и украсилъ его такъ, что называлъ его «небоподобнымъ».

На украшеніе этого собора онъ жертвовалъ много самъ и умѣлъ расположить къ тому свою паству, которая охотно давала свои пожертвованія на эту высокую цѣль. Онъ любилъ служить, и не только въ большіе праздники, но и въ дни малыхъ праздниковъ. Когда ему возражали, что стоитъ ли служить при отсутствіи молящихся,—онъ съ трогательною, присутіемъ ему, вѣрою говорилъ:

— Если не будетъ богомольцевъ, то придутъ ангелы,—для нихъ будемъ служить.

Онъ отправлялъ богослуженіе съ великой ревностью, въ строгомъ порядкѣ и, помимо набожнаго благолѣпія, въ этомъ богослуженіи его чувствовалось такое внутреннее воодушевление, что часто у молящихся навертывались слезы; такъ равнявшаяся къ Богу святая душа архипастыря увлекала за собою сердца паствы.

Воздѣвалъ ли онъ молитвенно руки къ Богу, призывалъ ли онъ трепетно Святаго Духа на подлежащіе Дары, прикладывался ли онъ къ мѣстнымъ святѣнямъ, въ его дѣйствіяхъ всякое священное таинство, всякій обрядъ пріобрѣтали особый духовный смыслъ, особую выразительность, особую внѣшнюю красоту,—именно—потому, что во всякомъ изъ этихъ обрядовъ сквозило глубокое усердіе и пламенная вѣра архипастыря. Архіепископъ Θεодотій принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ архіереевъ, которые заключаютъ союзъ свой съ паствою неразрушимымъ союзомъ.

Какъ чистой души дѣвушка остается всю жизнь вѣрна своей первой любви, такъ и епископъ Θεодотій, получивъ самостоятельную кафедру, одного только и желалъ: не нарушить союзъ свой съ этою паствою до конца своихъ дней.

Какою-то нѣжною, неразрывною любовью прилѣпился пре-

освященный Ееодотій къ Симбирску съ самаго перваго вступленія въ этотъ тихій и богобоязненный городъ.

Въ первый же день произнесъ онъ въ душѣ своей слова псалма, которыя стали для него священнымъ обѣтомъ: «Се покой мой; здѣ вселюся!»

И вѣрность своей паствѣ онъ соблюлъ до конца. Ему было предложеніе перейти на болѣе видныя каѳедры, но отъ этого жребія онъ отрекался.

Скорбь при опасеніи разлуки съ симбирскою паствою была одна изъ сильнѣйшихъ скорбей его во всю его жизнь. Человѣкъ глубокой, сердечный, человѣкъ совѣстливый—онъ страдалъ и болѣлъ за свою паству и, страдая за нее, часто не спалъ ночей, чѣмъ значительно сократилась его жизнь.

Въ послѣднее время своей жизни архіепископъ Ееодотій провелъ цѣлые два года въ Петербургѣ, присутствуя въ Святейшемъ Синодѣ. По возвращеніи своемъ онъ казался паствѣ своей утомленнымъ, часто жаловался на боль въ правомъ боку и общее оскудѣніе въ силахъ. Онъ словно спѣшилъ закончить свои дѣла, собралъ и издалъ всѣ свои поученія подъ названіемъ: «Утро священнослужителя», и этой книгой благословлялъ всѣхъ. Онъ спѣшно доканчивалъ дѣло благоустроенія теплаго каѳедральнаго Никольскаго собора, въ который завѣщаль положить свои останки, и при этомъ пророчески часто приговаривалъ:

— Нѣтъ, не долго мнѣ жить!.. Вотъ, въ августѣ мѣсяцъ исполнится уже тридцать пять лѣтъ и моей службѣ.

Мѣсяцъ августъ и былъ мѣсяцемъ его смерти.

Первый приступъ болѣзни, по отзыву врачей давней и хронической, обнаружился въ архипастырѣ при обзорѣніи епархіи, на пути изъ благоустроеннаго имъ Сызрано-Вознесенскаго Покровскаго монастыря въ возсозданную его трудами Жадовскую пустынь.

Въ Троицынъ день предполагалось перенесеніе чудотворной Жадовской иконы въ торжественномъ, установленномъ имъ крестномъ ходѣ въ Симбирскъ.

Страшная боль въ боку и въ груди заставила опасаться даже за жизнь преосвященнаго. Но пособія изъ походной аптечки съ помощью ближайшаго сельскаго лѣкаря нѣсколько облегчили его и онъ съ великимъ трудомъ, все-таки, совершилъ — при огромномъ стеченіи богомольцевъ—торжественную литургію и проводилъ икону въ Симбирскъ. Двадцать перваго мая онъ совершалъ въ послѣдній разъ богослуженіе въ каѳедральномъ соборѣ и крестный ходъ вокругъ бывшихъ стѣнъ кремля съ чудотворной Жадовской иконой Богоматери

въ день избавленія Симбирска отъ нападенія воровской шайки атамана Разина.

Одиннадцатаго іюня отслужилъ въ послѣдній разъ литургію въ возобновленной имъ крестовой архіерейской церкви, и съ чувствомъ умиленія и горячими слезами произнесъ архипастырскую молитву: «Призри съ небесе, Боже, и виждь, и посѣти виноградъ сей, егоже насади десница Твоя».

Вскорѣ доктора строжайше запрѣтили ему заниматься епархіальными дѣлами, и паства съ трепетомъ стала слѣдить за ходомъ болѣзни.

Съ восьмого іюля болѣзнь приняла такой рѣшительный оборотъ, что врачи потеряли надежду, и преосвященный Θεодотій сталъ заботливо приготовляться къ великому переходу.

Тутъ открылась во всемъ размѣръ горячая любовь къ нему симбирской паствы. Съ утра до вечера и родовитые люди, и простолюдины толпились въ домѣ архіерейскомъ и вокругъ него, спрашивая о состояніи здоровья. Не только жители Симбирска, но и далекіе иногородніе жители, особенно дворяне и духовные, постоянно пріѣзжали въ домъ узнавать о здоровьѣ. Семнадцатаго іюля преосвященный, во исполненіе своего давняго желанія, особоровался послѣ исповѣди и благословлялъ пришедшихъ къ нему иконами изъ своей молельни.

Онъ со слезами простился и благословилъ горько плакавшихъ воспитанницъ учрежденнаго его заботами епархіальнаго училища, подписалъ духовное завѣщаніе о небольшомъ, благопріобрѣтенномъ своемъ имуществѣ, приготовилъ въ одной изъ комнатъ архіерейскаго дома для себя облаченіе, опредѣлилъ мѣсто для своего погребенія и просилъ по его кончинѣ съѣздить въ Казань для приглашенія преосвященнаго викарія Никодима, съ которымъ его связывала давняя пріязнь, звать на погребеніе.

Отдавъ всѣ эти распоряженія, покончивъ съ земными расчетами, преосвященный предалъ себя въ руки Божіи. Онъ велѣлъ поставить передъ глазами своими образъ Спасителя, завѣщая—послѣ смерти своей—утвердить этотъ образъ на своей будущей могилѣ.

Онъ старался эти дни оставаться одинъ, приказывая затворять двери кабинета, въ которомъ лежалъ и постоянно молился, повторяя или покаянный псаломъ Давида или другія молитвы и набожно крестясь.

Приходили къ нему посѣтители, спѣшившіе принять отъ него послѣднее благословеніе. Онъ всѣхъ удовлетворялъ, у всѣхъ просилъ прощенія и молитвы. Когда же, временами, въ

немъ вспыхивала жизнь, онъ возвращался мыслью къ епархіальнымъ дѣламъ, подписывалъ нѣкоторыя бумаги, которыя должны были по смерти говорить о его благодареніяхъ духовенству. Слабѣвшей рукой ему пришлось возложить на духовенство пожалованныя имъ награды, и было умилительно видѣть этихъ пастырей, принимавшихъ съ этими наградами послѣдній завѣтъ своего архипастыря.

Десятаго августа онъ приказалъ отслужить раннюю литургію въ малой крестовой церкви, которую строилъ своимъ иждивеніемъ и изъ которой одна дверь выходила въ его спальню. На кровати его поднесли къ полуотворенной двери, изъ которой онъ слышалъ божественную литургію.

Во время, опредѣленное для причастія духовенства, онъ всталъ и, при поддержкѣ иподiakона, вошелъ въ церковь, облачился въ мантию, омофоръ и павши на колѣни передъ отверстыми царскими дверями, со слезами приобщился Христовыхъ Таинъ. Въ этотъ день онъ казался ожившимъ. И когда одно духовное лицо высказало ему, что надѣется на продолженіе его жизни,—онъ съ увѣренностью сказалъ:

— Да, Богъ силенъ воскресить и мертвaго, но я чувствую, что мнѣ не пережить и недѣли.

Когда его спрашивали, какъ онъ чувствуетъ себя, онъ — обыкновенно—отвѣчалъ:

— Слава Богу, хорошо.

Часто онъ повторялъ слова Іова:

«Аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ?»

И, по принятіи святыхъ Таинъ, произнесъ однажды:

— Теперь и самая смерть не такъ страшна!

Господь послалъ ему такую болѣзнь, во время которой до послѣдней минуты, обладая полнымъ сознаниемъ, онъ постепенно отрѣшался отъ всего земного и видимаго и, какъ свѣча, поставленная на свѣщницу, тихо догоралъ передъ иконами Спасителя и Божіей Матери, которыя окружали одръ его болѣзни.

Семнадцатаго августа стало для всѣхъ очевиднымъ, что смерть приближается.

Окружающіе его день и ночь бодрствовали. А онъ все продолжалъ быть въ сознаниі, непрестанно молился, тихо произносилъ краткія молитвы и набожно изображалъ на себѣ крестное знаменіе.

Ровно за сутки до своей смерти, уже потерявъ употребленіе языка, онъ еще разъ охолодѣвшей рукой преподалъ благословеніе всѣмъ окружающимъ его, посадилъ возлѣ себя на кро-

вати своего маленькаго племянника Феодю, подержаль его за руку и погладил по головкѣ.

Когда, въ одиннадцатомъ часу ночи, одинъ изъ приближенныхъ священнослужителей сталъ въ ногахъ архипастыря, чтобы въ послѣдній разъ насмотрѣться на него живого, — архиепископъ Феодотій далъ ему знакъ, что кончина его близка.

Вся ночь съ девятнадцатаго на двадцатое была проведена окружающими въ молитвахъ. Казалось, что больной спитъ, но когда подошло къ нему одно близкое лицо, онъ пожалъ руку. Когда раздались стоны предсмертнаго страданія, духовникъ прочелъ канонъ и молитвы на исходъ души, и — двадцатаго августа, въ десять часовъ десять минутъ утра, архипастырь преставился.

Это было въ тотъ самый день, въ который за шестнадцать лѣтъ назадъ симбирская паства впервые услышала вѣсть о назначеніи преосвященнѣйшаго Феодотія на каѳедру архіепископа симбирскаго.

Народъ какъ бы силою какого-то электрическаго удара бѣжалъ со всѣхъ сторонъ къ архіерейскому дому и мгновенно наполниль домъ, дворъ и улицу, на которую выходитъ домъ.

Архіепископъ былъ вынесенъ въ залъ, и въ послѣдній разъ былъ торжественно облаченъ на своей архіерейской каѳедрѣ при уныломъ пѣніи хора: «Да возрадуется душа твоя о Господѣ». Когда его облачили и, приподнявъ съ каѳедры, вложили, какъ живому, дикирій и трикирій для осѣненія, а протодіаконъ голосомъ дрожащимъ и прерывающимся отъ слезъ возгласиль: «такъ да просвѣтитъ свѣтъ твой предъ челоуѣки», все зало сотряслось отъ громкаго плача.

На другой день тѣло архіепископа Феодотія было положено въ гробъ и вынесено въ крестовую церковь. Вокругъ гроба, по его завѣщанію, было положено много серебряныхъ и вызолоченныхъ крестиковъ. Народъ жадно спѣшилъ получить это послѣднее благословеніе архипастыря.

Похороны были назначены на воскресенье двадцать четвертаго числа.

Величественно было послѣднее шествіе усопшаго изъ его архіерейскаго дома въ каѳедральный соборъ. Онъ шелъ теперь среди священниковъ, величественно окруженный святынями церкви, встрѣчаемый и сопровождаемый собравшейся вокругъ него паствою, по тѣмъ самымъ улицамъ, по которымъ совершалъ всѣ торжественные крестные ходы — по Сѣнной, черезъ Карамзинскую площадь, по Дворцовой улицѣ, по Большой и Московской.

Два священника несли иконы Спасителя, изъ которыхъ

одну архипастырь завѣщаль поставить надъ своей могилой, а другую благословилъ посмертно свою паству. Затѣмъ шли воспитанники и служащіе гимназіи, семинаріи, духовнаго училища и консисторіи, пѣвчіе, духовенство. Одинъ изъ діаконовъ несъ на блюдѣ митру съ омофоромъ, посошникъ—посохъ и лампадчикъ—лампаду. Народъ собрался со всѣхъ опустѣвшихъ концовъ города къ мѣсту шествія. Не только улицы, по которымъ былъ несенъ гробъ на всемъ протяженіи, но и окна и многія крыши, всѣ возвышенныя мѣста и даже колокольни, были унизаны народомъ.

Когда крестный ходъ приблизился къ собору, то вокругъ него и на всей огромной соборной площади народу собралось такое множество, что гробъ съ трудомъ былъ пронесенъ въ соборъ, тоже переполненный народомъ. На это плачевное торжество почившаго стеклись даже раскольники и лица инославныхъ исповѣданій.

Передъ окончаніемъ отпѣванія одинъ изъ архимандритовъ съ амвона, отъ лица архіепископа, какъ будто почившій, снова возвысившій изъ гроба свой голосъ,—прочелъ изъ его духовнаго завѣщанія послѣднее его обращеніе къ паствѣ:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Услыши молитву мою, Господи, и моленіе мое внуши, слезъ моихъ не премолчи: яко пресельникъ есмь азъ у Тебе и пришлецъ, яко же вси отцы мои. Ослаби ми, да почію, прежде даже не отйду и ктому не буду. Благодарю Тебя, Господи, за всѣ Твои милости, которыми Ты по премногу и не по достоинству моему ущедрялъ меня, во все продолженіе моей жизни. Умоляю Тебя, Господи, пробави милости Твои ко мнѣ и, даровавши мнѣ прежде конца покаяться Тебѣ, прости мнѣ всѣ согрѣшенія мои. Отцы, братія и чада мои во Христѣ, всѣхъ васъ прошу и умоляю, простите меня Христа ради во всемъ, чѣмъ кого изъ васъ я оскорбилъ или опечалилъ. И я грѣшный всѣхъ васъ и за все сдѣланное противу меня прощаю. Аминь. Древнею иконою Христа Спасителя въ серебряной вызолоченой ризѣ благословляю боголюбезную мою симбирскую паству».

Жить духовною жизнью, съ юности горѣть священнымъ огнемъ, чувствовать въ душѣ божественный призывъ, отдаться Христу и идти навстрѣчу къ Нему, быть пастыремъ добрымъ, душу свою полагающимъ за овцы своя, медленно изгорѣть въ духовныхъ прекрасныхъ подвигахъ, и оставить по себѣ яркій слѣдъ кроткой, милующей, заботливой, къ Богу стремящейся души: таковъ былъ жизненный удѣлъ архіепископа Θεодотія, образъ котораго все будетъ обновляться въ новыхъ лучахъ.

ТАМБОВСКІЙ ПОДВИЖНИКЪ ИЛЯ НѢМОЙ

(чтець казанской церкви города Ливень).

ПОДВИЖНИКЪ Илья, въ міру Іоаннъ Петровичъ Богоявленскій, родился приблизительно въ 1794 году въ семьѣ священника села Крутого, Ливенскаго уѣзда, Орловской губерніи, и былъ однимъ изъ шести дѣтей своего отца. Во всѣхъ позднѣйшихъ поступкахъ его было видно великое его уваженіе къ родителямъ.

Научившись дома грамотѣ, мальчикъ былъ отданъ въ Сѣвское духовное училище и тутъ вмѣсто отцовской фамиліи, Шубинъ, получилъ фамилію Богоявленскаго. Какъ извѣстно, нерѣдко при поступленіи дѣтей духовенства въ учебныя заведенія начальники по произволу давали имъ имена.

Успѣвалъ онъ въ ученіи хорошо, учился охотно, но, по слабому здоровью, не могъ пройти полного курса семинаріи и, съ первыхъ шаговъ ученія, ему пришлось отказатьсѣ отъ науки.

Въ скоромъ времени Іоаннъ Петровичъ поступилъ въ келлейники къ орловскому архіерею Досіею, и на этой должности онъ выказалъ большую расторопность, точность, честность, сметливость и услужливость.

Но на этой должности ему пришлось пробыть недолго: онъ такъ сильно зашибъ себѣ руку, играя съ другимъ келлейникомъ, что долженъ былъ уѣхать для поправки на родину къ отцу.

Хотя онъ тамъ прожилъ цѣлый годъ, но вполне не оправился, и рука его на всю жизнь осталася немного согбенной. Ему казалося неудобнымъ оставаться въ такомъ положеніи у архіерея и онъ спросилъ себѣ увольненіе.

Семнадцати лѣтъ отъ роду, въ 1811 году, Иванъ Петровичъ

былъ опредѣленъ причетникомъ при Казанской церкви въ городѣ Ливнахъ. Еще раньше, въ службѣ своей при преосвященномъ Досиѣѣ, Иванъ Петровичъ просилъ у него благословенія, какъ онъ выразился «ради спасенія души» и для удовлетворенія своей наклонности, избрать странническую жизнь, чтобы обойти всѣ святыя мѣста Русской Земли.

Архіерей тогда не согласился на это, но Иванъ Петровичъ не отложилъ совсѣмъ своего намѣренія, и въ 1813 году изъ города Ливень тайно прошелъ въ Коренную пустынь, Курской епархіи, славящуюся своей чудотворной иконой Знаменія Богоматери. Тутъ онъ даже думалъ устроиться совсѣмъ и иночествовать, но въ Ливнахъ у него оставалась мать вдова, которую надо было содержать.

Забота о матери взяла перевѣсъ надъ стремленіемъ къ иночеству, и онъ вернулся въ Ливны.

Мать, чрезвычайно обезпокоенная внезапнымъ уходомъ сына, обрадовалась его возвращенію и, желая на будущее время предупредить такія неожиданности, поспѣшила уговорить его жениться.

Она высватала ему небогатую дѣвушку изъ ливенской семьи, Марію Ивановну. Въ это время Ивану Петровичу было двадцать три года. Въ бракѣ онъ былъ счастливъ. Черезъ два съ половиной года послѣ свадьбы родился у него сынъ. Молодой отецъ очень любилъ мальчика, и когда тому исполнилось три года, сталъ лично обучать его грамотѣ: возрастъ исключительно молодой для начала ученія; но, вѣроятно, отецъ уже тогда предчувствовалъ, что недолго останется съ сыномъ и не хотѣлъ терять времени.

Изъ бесѣдъ Ивана Петровича со знакомыми видно было, что онъ не утратилъ и послѣ женитьбы наклонности къ уединенію. Все свободное время отъ своей службы по церкви и по приходу онъ читалъ Священное Писаніе и житія святыхъ, и иногда за этимъ чтеніемъ просиживалъ напролетъ цѣлую ночь.

Эти книги были какъ бы топливомъ, поддерживавшимъ въ душѣ его огонь ревности Божественной, и этотъ огонь тайно для людей разгорался въ немъ все жарче и жарче. Замѣчательно отношеніе Ивана Петровича къ своей службѣ. Онъ отправлялъ ее весьма тщательно и усердно. Видно было, что онъ придавалъ ей большое значеніе.

У насъ многіе смотрятъ пренебрежительно на службу причетника и не придаютъ ей никакого значенія. Между тѣмъ, хорошій причетникъ для торжественности богослуженія не менѣе, если не болѣе важенъ, чѣмъ хорошій діаконъ или священникъ.

Сколько назидательныхъ чтеній, установленныхъ Церковію

для храма, пропускается вѣрующими мимо ушей, не оказывая на нихъ никакого впечатлѣнія, именно — потому, что причетникъ, вмѣсто того, чтобы выразительно и съ благоговѣніемъ прочитывать священные слова — «отбарабаниваетъ» ихъ безъ всякаго смысла, толка и чувства.

Иванъ Петровичъ и совнѣ держалъ себя достойно своего званія. Онъ былъ чрезвычайно опрятенъ, одѣтъ не только что чисто, но даже щеголевато, и въ обращеніи его съ другими, несмотря на его молодость, была нѣкоторая важность и солидность. Онъ сумѣлъ найти ту драгоцѣнную ступень въ обращеніи съ людьми, которая одинаково далека какъ отъ заносчивости, такъ и отъ низкопоклонства.

Всякая неправда глубоко возмущала его чистую и горячую душу. Онъ, нерѣдко, пламенными рѣчами смѣло обличалъ людей, допустившихъ какую-нибудь неправду, несмотря на высокое положеніе этихъ лицъ. Въ приходѣ Иванъ Петровичъ пользовался большимъ уваженіемъ. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ дѣло спорится въ рукахъ, за какое бы дѣло они ни принялись.

И по даровитости своей онъ одинаково успѣшно дѣлалъ различныя подѣлки, прекрасно зная столярное, слесарное, портняжническое, сапожное и малярное ремесла,—такъ много было у него талантовъ.

Онъ не принадлежалъ, такимъ образомъ, къ числу тѣхъ людей, которые являются какими-то непригодными и неприспособленными къ жизни. Наоборотъ, онъ былъ переполненъ дарованіями, которыя могли ему открыть въ жизни болѣе широкій путь и сдѣлать его жизнь обезпеченной и пріятной. И отъ всѣхъ обѣщаній жизни онъ отказывался для того, чтобы вступить на путь труднѣйшаго подвижничества—путь ежедневной вольной пытки.

Миръ готовъ осуждать людей, которые ради полной отдачи себя Господу оставляютъ свои семьи. Но для кого же, какъ не для этихъ людей, столько же въ призывѣ имъ, сколько въ оправданіе ихъ передъ другими, не вникающими людьми, не чувствующими въ себѣ этого стремленія полного посвященія себя Богу,—прозвучали слова Христовы:

«Иже оставить домъ или братію, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села имени Моего ради, сторицею прииметь и животъ вѣчный наслѣдитъ».

Въ этихъ словахъ звучалъ для Ивана Петровича постоянный призывъ, и онъ этому призыву внялъ и осудилъ себя на изгнаніе, одиночество, уничиженіе и юродство.

Ему было двадцать семь лѣтъ, когда онъ рѣшительно и безповоротно вступилъ на новый путь.

Семнадцатаго сентября 1822 года, въ ночь въ субботы на воскресенье, Иванъ Петровичъ потихоньку остригъ волосы, снялъ съ себя и спряталъ причетническую свою одежду, обулся въ худую обувь, прикрылъ себя рубищемъ и незамѣтно выскользнулъ изъ дома.

За нимъ дома оставалась безъ всякаго обезпеченія двадцатитрехлѣтняя жена и пятилѣтній сынъ, имущество которыхъ заключалось только въ небольшомъ количествѣ необходимаго носильнаго платья.

Но, рѣшаясь лишиться всего ради обнищавшаго для насъ Христа, Иванъ Петровичъ зналъ, что Богъ обилень милостью, что Тотъ, у Кого не забыть ни одинъ воробей, чирикающій на улицѣ, не погубить и не оставить безъ пропитанія его беззащитную семью.

И можно думать, что Иванъ Петровичъ былъ такъ же увѣренъ въ томъ, что семья его не останется безъ куска хлѣба, какъ если бы онъ, скрываясь изъ міра, оставлялъ эту свою семью на рукахъ поручившагося за нихъ какого-нибудь сильнаго человѣка.

Можно себѣ представить тотъ переполохъ, который поднялся въ домѣ молодой беззащитной женщины, когда мужъ ея не являлся, когда день безплоднаго ожиданія смѣнялъ такой же день и когда, наконецъ, изъ нѣкоторыхъ, быть можетъ, вскользь брошенныхъ словъ Ивана Петровича, изъ прежнихъ его исчезновеній можно было заключить, что онъ ушелъ изъ дому навсегда.

Въ то время орловскимъ архіепископомъ былъ преосвященный Гавріиль, которому и было доложено объ уходѣ канзанскаго причетника.

Преосвященный поступилъ весьма заботливо: мѣсто причетника было зачислено за пятилѣтнимъ сыномъ Ивана Петровича, и доходъ шелъ ему до окончанія имъ семинарскаго курса. Впослѣдствіи сынъ Ивана Петровича былъ протоіереемъ въ городѣ Кромахъ, Орловской епархіи.

Разставшись съ семьей и родиной, одѣтый въ нищенское рубище, Иванъ Петровичъ прошелъ на востокъ черезъ города: Елецъ, Липецкъ, Козловъ и Тамбовъ. Въ Тамбовѣ онъ и остался навсегда.

Иванъ Петровичъ прикинулся юродивымъ, глухимъ, нѣмымъ и глупымъ. Его стали звать въ Тамбовѣ Ильей—вотъ, по какому поводу. Какъ-то стали его спрашивать объ его

имени, и онъ указаль тогда на икону пророка Иліи. Поэтому и подумали, что таково его имя.

Быть можетъ, указывая на икону пророка, блаженный хотѣль показать, что онъ стремится подражать Иліи въ ревности о Богѣ и что, какъ Илія пророкъ, онъ изъ родной страны укрылся на чужбинѣ, ища покоя своему духу.

Такъ какъ Иванъ Петровичъ принялъ на себя подвигъ молчаливства и не раскрываль устъ своихъ, то его стали звать: «Илья нѣмой».

И, вотъ, началась новая жизнь. Большую часть дня блаженный проводилъ въ церквахъ и около церквей. Первая церковь, при которой онъ началъ привитаться, была Знаменія. Доставъ себѣ нѣсколько листовъ слѣдованной Псалтири, онъ сталъ ежедневно читать по этимъ листамъ молитвы.

Вечеромъ блаженный уходилъ изъ города и ночеваль въ Петропавловской кладбищенской церкви, которая тогда строилась. Такимъ образомъ, онъ былъ въ церкви или у церкви и днемъ и ночью. Съ начала зимы блаженный перешель въ Казанскій мужской монастырь.

Онъ старался не быть празднымъ, прислуживаль братіи въ храмѣ и въ кельяхъ. Онъ силился поступить въ число братіи и знаками умоляль объ этомъ казанскихъ иноковъ.

Ему написали на бумагѣ, что онъ долженъ удостовѣрить личность свою паспортомъ, но паспорта не оказалось. И иноки стали думать, что онъ какой-нибудь опасный бродяга. Въ виду этого его не стали вовсе пускать въ монастырь.

Оставшись безъ пристанища, блаженный перешель къ Покровской церкви города Тамбова, ожидая здѣсь лучшей участи.

Сперва онъ жилъ здѣсь безъ бѣды: онъ топилъ печи, мелъ церковь и прибираль ее, всячески прислуживая священникамъ и причетникамъ. Онъ мечталъ устроиться на службу при церкви, но просьбы его не удовлетворялись, а на послѣднее его домогательство причтъ отвѣтилъ тѣмъ, что донесъ на него, какъ на безпаспортнаго, полиціи.

Полиція, прежде всего, произвела о немъ дознаніе, стала его допрашивать, но онъ изъ всѣ вопросы отвѣчалъ полнымъ молчаніемъ, прикидываясь нѣмымъ или глупымъ. Тогда полиція признала его за бродягу и осудила на заключеніе въ тюрьму.

Эти дни были одними изъ самыхъ тяжелыхъ въ жизни подвижника. Ему было страшнымъ лишеніемъ оставаться безъ храма. А, кромѣ того, въ обществѣ отверженныхъ съ ихъ пороками, руганью, непристойными словами и богохульствомъ могло ли быть легко необыкновенному человѣку, который для подвига духовнаго оставилъ даже службу при церкви?

Вмѣстѣ съ прочими арестованными подвижника посылали на городскія работы. Отъ жизни въ тюрьмѣ здоровье Ивана Петровича до такой степени расшаталось, что онъ подумывалъ открыть своему начальству о себѣ всю истину, чтобы только прекратить этимъ невыносимую жизнь.

Но тутъ Господь послалъ ему духовную поддержку. Въ тюрьмѣ сидѣли три невинныя женщины, которыя Христа ради приняли на себя подвигъ темничнаго заключенія. Онѣ поняли невинность Илии и, въ простотѣ своей сильной вѣры, стали убѣждать его терпѣть до конца, указывая на то, что Христосъ терпѣлъ еще больше его.

Черезъ годъ пребыванія подвижника въ тюрьмѣ—здоровье его стало лучше и легче стало у него на душѣ. Изъ числа бродягъ его перечислили къ рабочимъ сумасшедшаго дома, кторые ходили на работы въ присутственныя мѣста. Теперь онъ сталъ считаться не за бродягу, а за слабоумнаго.

Смотритель приказа рѣшилъ добиться отъ нѣмого объясненія его имени и званія. Запугивая его, смотритель объявилъ, что трижды въ день будетъ его бить палками, пока онъ о себѣ не откроетъ всю истину.

Эти угрозы сильно напугали Ивана Петровича, но онѣ не были приведены въ исполненіе, такъ какъ смотритель былъ удаленъ отъ службы. Его замѣститель былъ изъ духовнаго званія и относился лучше къ блаженному.

Онъ подмѣтилъ особое усердіе и добросовѣстность въ его работѣ и, желая облегчить ему жизнь, далъ ему право жить въ приказѣ съ караульными солдатами. Въ первый разъ со дня ухода изъ Ливенъ выпала блаженному такая радость.

И, вотъ, онъ можетъ опять въ свободные отъ работъ часы ходить въ церкви, онъ можетъ исповѣдываться и пріобщаться—чего ему въ Тамбовѣ раньше не удалось.

Онъ сталъ ходить въ церковь женскаго Вознесенскаго монастыря, ближайшую къ тому приказу, гдѣ онъ служилъ. По своему обычаю дѣлать другимъ пріятное и полезное, онъ трудился для монастыря: возилъ и носилъ дрова для топки церковныхъ печей, мелъ и убиралъ церковь послѣ службы, помогалъ въ алтарѣ.

Одинъ изъ монастырскихъ священниковъ сталъ ему духовникомъ. Это былъ отецъ Іоаннъ Андреевъ, къ которому онъ, бывая въ монастырѣ, почувствовалъ любовь и довѣріе. Блаженный открылъ, какъ-то, отцу Іоанну всю правду о себѣ. Тотъ обѣщалъ все держать втайнѣ до его смерти. Это слово отецъ Іоаннъ сдержалъ.

Обратимся къ личному разсказу отца Іоанна Андреѣва о своемъ духовномъ сынѣ.

«Однажды,—пишетъ отецъ Іоаннъ,—возвращаясь отъ заутрени, я оглянулся назадъ и увидѣлъ идущаго позади меня Илью. Онъ не отставалъ отъ меня и тогда, когда я сходилъ въ сѣни и покои.

«— Что тебѣ надобно?—спросилъ я.

«Вмѣсто отвѣта старался онъ объяснить мнѣ знаками, что желаетъ остаться со мной наединѣ. Я понялъ его желаніе и, хотя живу совершенно одинокимъ, однако—принялъ его въ отдаленной комнатѣ, гдѣ Илья, поклонившись мнѣ въ ноги, просилъ меня усильно соблюсти по смерти его тайну, которую онъ объявить. Въ это время онъ исповѣдался и, совершенно ознакомившись со мною, говорилъ, что онъ знаетъ меня уже третій годъ, тогда какъ я, равно и прочіе въ монастырѣ, видѣли въ немъ нѣмого Илью.

«Съ этого случая, приходя ко мнѣ тайно, онъ получалъ отъ меня то чернильницу, перо, ножичекъ и бумагу, то книги для чтенія и занимался ими въ своемъ приказѣ. Причисленный наконецъ, къ сумасшедшимъ, онъ подъ видомъ нищаго просилъ меня взять его подъ росписку, и я, въ намѣреніи приспособить его къ нашему ближайшему отъ города монастырю, доставилъ ему псалтирь самаго малаго формата, чтобы онъ изучилъ ее на память. Изучивъ псалтирь, онъ возвратилъ ее мнѣ,—былъ и въ монастырѣ, но монастырь ему не понравился; онъ удалился снова въ свою казарму и продолжалъ жить среди солдатъ за печью.

«Получивъ отъ своего начальства хорошее о себѣ мнѣніе, онъ имѣлъ совершенную свободу ходить въ церковь на службу, и монашествующіе любили его, брали въ свои кельи для обѣдовъ, иногда дарили ему платочки, утирочки и прочее. Но однажды, рано поутру, отнесъ онъ все это въ семинарію и отдалъ при запискѣ сиротамъ-бурсакамъ. Кромѣ же нашего монастыря и церковей, онъ никуда не хаживалъ, да и не позволялось; ставалъ всегда съ нищими у двери и принималъ милостыню, которою питалъ своихъ сумасшедшихъ; покупалъ имъ тайно булки, ягоды, яблоки и прочее.

«Въ послѣдніе годы я хотѣлъ было взять его изъ приказа къ себѣ и построить ему внутри моего сада келью. Илья на это соглашался, но потомъ мы нашли сообщца, что покой, который онъ получить, послужить ему, по его молодости, во вредъ. Ввѣривъ себя совершенно Промыслу Вышняго, онъ рѣшился навсегда оставаться въ приказѣ и потому, посвятивъ себя ра-

ботѣ на поварнѣ сумасшедшихъ, за вареньемъ квасовъ и прочаго иногда пропускалъ и службы Божіи.

«Я еще въ началѣ сшилъ ему верхнее платье, въ которомъ онъ хаживалъ только въ церковь, домашняя же его одежда оставалась подъ верхней и была такого качества, столь ветха и древня, равно какъ и рубашка, что висѣла отрепьями и своею чернотою походила на черную овчину. Такъ какъ въ комнатѣ живу я одинъ, то онъ—нерѣдко—ходилъ ко мнѣ тайно, но въ баню не хаживалъ, рубахъ отъ меня не принималъ; умѣлъ вязать чулки и потому собиралъ по комнатамъ приказа чулочные оттирки, чѣмъ моютъ полы, вымывалъ ихъ, распускалъ и изъ этихъ нитокъ вязалъ тайно чулки, которыми надѣлялъ сумасшедшихъ.

«Ему давалось на годъ по однимъ котамъ. Чтобы они дольше послужили ему, я покупалъ для него подошвы, равно и сапожный инструментъ, и онъ подшивалъ свои коты тайно на чердакѣ, при свѣтѣ луны. Но всего,—замѣчаетъ отецъ Іоаннъ,—не опишешь.

«Въ текущемъ 1829 году, на масляницѣ подъ четвергъ Илья ночевалъ у меня и своимъ больнымъ просилъ рыбы. Я отпустилъ. Поутру оба мы пошли со двора,—я къ заутрени, а онъ—въ свой приказъ. Ночевалъ онъ у меня въ недѣлю православія. Я имѣлъ въ немъ духовнаго друга. Иногда ему нужно было попросить меня о чемъ-нибудь тайно, духовно. Тогда, ища руки священнической, будто хотѣлъ принять отъ меня милостыню или благословеніе, онъ передавалъ мнѣ зажатую въ его ладони записку.

«Такую-то записку подалъ онъ мнѣ на второй недѣлѣ великаго поста въ среду или четвергъ; а на третьей—въ обители сказываютъ, что приходили солдаты и объявили, что Илья померъ. Я тотчасъ побѣжалъ въ приказъ, и оказалось, что говорили правду. Тогда я все относительно его открылъ смотрителю, отъ котораго и получилъ позволеніе взять его тѣло и похоронить на мой счетъ. Въ то же время донесъ я о немъ и своему преосвященному Аѳанасію. Для усопшаго сшили новое приличное платье и облачили въ стихарь. Монашествующіе несли его въ свою церковь на плечахъ. Отпѣто погребеніе торжественно. Стеченіе народа было великое. На кладбищѣ тѣло несено было самими монашествующими... При семъ,—заключаетъ свое письмо отецъ Іоаннъ благочинному г. Ливенъ,—посылаю одну книжицу собственной его руки съ картинами. Книжца написана въ приказѣ, а картины изготовлены ему мною наймомъ. Прошу отдать это сыну его, въ благословеніе роди-

тельское. Также засвидѣтельствуйте мое глубокое почтеніе и его супругѣ».

Такую тяжелую жизнь провель этотъ подвижникъ, которому можно было пройти эту жизнь не въ вѣчномъ томленіи и лишеніяхъ, а въ довольствѣ и въ тихомъ благоденствіи.

Изъ немногихъ преданій, сохранившихся о блаженномъ, есть рассказъ о блеснувшей въ немъ прозорливости.

Въ Тамбовскомъ женскомъ монастырѣ былъ обычай, что знакомые игуменіи въ прощенное воскресеніе ее чѣмъ-нибудь дарили. Кто-то принесъ игуменіи въ этотъ день большой пряникъ, и она передала его для храненія одной монахинѣ.

Маленькая дѣвочка, находившаяся тогда въ кельѣ монахини, подошла къ прянику и разломала его. Монахиня, боясь, что игуменія строго взыщетъ съ нее за несохраненіе подарка, была въ большомъ горѣ.

Въ это время вошелъ въ келью Илья нѣмой и руками успокоилъ ее, показывая, что игуменія не только что не разсердится на нее и на дѣвочку, а, наоборотъ—будетъ рада за ребенка.

Все это въ точности сбылось.

То, какъ отнесся Тамбовъ къ смерти блаженнаго,—показываетъ, что уже при жизни его люди отдавали себѣ отчетъ въ духовной силѣ подвижника. По той же самой причинѣ не могъ онъ быть забытъ и при смерти.

Его могила была оберегаема и весной покрываема цвѣтами. На Крестовоздвиженскомъ тамбовскомъ кладбищѣ, къ сѣверу отъ кладбищенской церкви, по прямой дорожкѣ отъ нея, подъ двумя высокими вѣтвистыми вязами, находится скромная могила съ деревяннымъ—простымъ и бѣлымъ—надъ нею крестомъ. Надпись на крестѣ гласитъ:

«Здѣсь покоится прахъ раба Божія Іоанна, пѣвца Казанской города Ливень церкви, скончавшагося въ 1829 году въ Тамбовѣ подъ именемъ Ильи Нѣмого. Упокой, Боже, раба Твоего во царствіи Твоемъ!»

И этотъ, гнавшій себя и гонимый судьбою при жизни челоуѣкъ, является однимъ изъ тѣхъ праведниковъ, которыхъ Богъ посылаетъ въ благословеніе городамъ и за которыхъ милуетъ эти города, несмотря на безчисленные грѣхи жителей.

МОСКОВСКІЙ ЮРОДИВЫЙ СЕМЕНЪ ДМИТРІЕВИЧЪ.

ОХРАНИЛОСЬ немного свѣдѣній о личности московскаго юродиваго Семена Дмитріевича, который—въ свое время—былъ очень извѣстенъ въ Москвѣ среди лицъ, чуткихъ къ подвигу духовному.

Въ молодости Семень Дмитріевичъ имѣлъ башмачную торговлю, на Смоленскомъ рынкѣ.

Въ 1804 году произошелъ страшный пожаръ, истребившій часть города около Новинскаго бульвара и Смоленскаго рынка. Съ достовѣрностью можно думать, что тогда у Семена Дмитріевича Троицкаго сгорѣла его лавка, со всѣмъ товаромъ. Можно себѣ представить то впечатлѣніе, которое должна была произвести на него потеря всѣхъ средствъ къ жизни.

Человѣкъ съ менѣе религіознымъ настроеніемъ, конечно, постарался бы оправиться отъ тяжелаго удара, нанесеннаго ему судьбою и, поступивъ въ другую сапожную торговлю служащимъ, постарался бы скопить денегъ, чтобы вновь завести самостоятельную торговлю. Но этотъ ударъ съ особой яркостью освѣтилъ въ глазахъ Семена Дмитріевича всю тщету земныхъ человѣческихъ стремленій. Онъ рѣшилъ остаться на всю жизнь нищимъ и подвижничать.

Семень Дмитріевичъ на паперти у Троицкой церкви и въ этой церкви правилъ должность чтеца и пѣвца. Онъ провелъ въ Москвѣ страшные мѣсяцы французскаго нашествія, такъ какъ не оставилъ города и бродилъ по обгорѣлымъ развалинамъ столицы, не имѣя постояннаго пристанища.

Съ 1816 года онъ жилъ на Арбатской улицѣ, въ домѣ

купца Дронова. Въ 1820 году онъ встрѣтился на улицѣ съ московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ Шульгинымъ и, очевидно, видъ у него былъ столь необыкновенный, что полиціймейстеръ обратилъ на него вниманіе и велѣлъ схватить его, чтобы представить, для освидѣтельствованія умственныхъ его способностей, въ домъ умалишенныхъ.

Послѣ производства испытанія онъ былъ признанъ владѣющимъ своимъ разумомъ въ полной мѣрѣ и выпущенъ на свободу.

Тогда Семень Дмитріевичъ сперва вырылъ себѣ землянку во дворѣ купца Ильина, но затѣмъ снова перебрался на Арбатъ, къ тому же купцу Дронову.

Наконецъ, онъ выбралъ себѣ постоянное мѣстожителство въ домѣ купца Чамова, въ приходѣ святителя Николая, что на Щепяхъ.

Единственное мѣсто, куда онъ ходилъ, да и то не часто, былъ храмъ. Затѣмъ шестнадцать лѣтъ, съ 1836 до 1852 года, онъ почти безысходно пребывалъ въ саду.

Послѣдніе восемь лѣтъ своей жизни до самаго конца онъ лежалъ, не вставая съ одра болѣзни. При немъ была одна благочестивая старушка, которая посвятила свою жизнь уходу за блаженнымъ.

Семень Дмитріевичъ ходилъ всегда босикомъ, не боясь никакой погоды. Шелъ ли снѣгъ, была ли гололедица, морозы, которые въ то время были лютой, чѣмъ теперь, ростепели, или раскалявшій троттуары зной,—онъ былъ всегда босымъ. Голову онъ тоже никогда не покрывалъ, а единственной одеждой его была длинная рубаха. Онъ переходилъ отъ церкви въ церковь и ни отъ кого ничего не принималъ, ничего не просилъ, не пускался ни съ кѣмъ въ длинные разговоры. Всегда онъ вслухъ напѣвалъ псалмы и молитвы.

О себѣ Семень Дмитріевичъ говорилъ всегда въ третьемъ лицѣ. Вообще, надо было привыкнуть къ нему, чтобы понять его слова. Много ходило разсказовъ о его прозорливости.

За нѣсколько дней до конца своего онъ приобщился Святыхъ Таинъ, наканунѣ смерти особоровался и скончался тридцать перваго декабря 1860 года, на девяностомъ году своей подвижнической жизни.

Къ усопшему, проститься съ нимъ, потянулось много народа. Многіе заказывали отдѣльныя панихиды. При отпѣваніи собравшійся народъ не могъ помѣститься въ церкви, и очень многіе стояли наружѣ, ожидая выноса гроба.

Прощаніе съ усопшимъ продолжалось около часу. Многіе, приходившіе проститься, плакали, а при выносѣ тѣла изъ

церкви раздались громкія рыданія. Надо было удивляться силѣ привязанности къ этому человѣку, которая собрала по страшному двадцати градусному морозу со всѣхъ концовъ Москвы народъ всевозможныхъ сословій, такъ какъ кромѣ людей, пришедшихъ пѣшкомъ, было очень много богатой знати, съѣхавшейся въ нарядныхъ экипажахъ.

И къ кому шель этотъ народъ? Къ безвѣстному человѣку, который жилъ въ лачугѣ и, повидимому, не сотворилъ никакихъ славныхъ дѣлъ. А, между тѣмъ, къ нему, при жестокомъ и рѣзкомъ вѣтрѣ съ мятелю и вьюгой, сошлась такая громадная толпа и, несмотря на эту погоду, вся она провожала покойника до Ваганьковскаго кладбища, гдѣ онъ и схороненъ.

Одно лицо, бывшее послѣ кончины Семена Дмитріевича въ первый же день у его гроба рассказывало, что тогда онъ могъ еще протѣсниться сквозь толпу, постоянно прибывавшую ко гробу, у котораго стоялъ священникъ, служившій, не переставая, одну за другою, заказываемыя панихиды.

Но въ другой разъ, когда это же лицо пріѣхало поклониться усопшему, не было никакой возможности пробраться въ этой густой толпѣ, тѣснившейся въ сѣняхъ и избѣ. Когда этотъ почитатель памяти старца пришелъ въ церковь, то былъ пораженъ множествомъ собравшагося народа и почетомъ, который воздавали этому нищему мертвецу, который не былъ ни поэтомъ, ни артистомъ, о которомъ никогда не обмолвились въ печати, а между тѣмъ—это брренное тѣло уходило въ мать-землю при такихъ почестяхъ, при такомъ народномъ участіи, какое не всегда видѣли къ себѣ и знаменитые люди.

Повидимому, въ настоящее время могила юродиваго Семена Дмитріевича забыта.

Пишущій эти строки запрашивалъ управленіе московскаго Ваганьковскаго кладбища,—сохранилась ли могила Семена Дмитріевича, и происходитъ ли при ней служеніе заказываемыхъ усердствующими панихидъ?

Въ полученномъ отвѣтѣ было сказано, что могила Семена Дмитріевича извѣстна и имѣетъ на себѣ надпись, но особенно незамѣтно, чтобы по Семенѣ Дмитріевичѣ служились панихиды.

Мнѣ извѣстенъ одинъ замѣчательный случай прозорливости Семена Дмитріевича. По его слову одна посвященная Богу жизнь получила себѣ великое, отвѣтственное послушаніе въ видѣ заботы о двухъ безпріютныхъ особахъ высшаго круга, оставшихся въ нищетѣ. И чуднымъ образомъ, вопреки всякихъ расчетовъ человѣческихъ, эти жизни были до послѣднихъ дней обезпечены послушаніемъ, которое этотъ человѣкъ оказалъ старцу.

Въ послѣдніе годы жизни Семена Дмитріевича былъ въ Москвѣ человѣкъ сапожнаго цеха, котораго звали Козьмой Ефремовичемъ Ефремовымъ.

Мнѣ пришлось знать его въ послѣднее время его жизни. Это былъ старичекъ небольшого роста съ молодыми глазами, въ которыхъ была какая-то пронзительная сила.

Отличаясь сильнымъ религіознымъ настроеніемъ, Козьма Ефремовичъ съ молодыхъ лѣтъ своихъ, ведя жизнь чисто монашескую, любилъ ходить по московскимъ святынямъ, постоянно бывалъ въ церквахъ за богослуженіемъ и во время молитвы получилъ даръ глубокихъ молитвенныхъ вздоховъ, потрясавшихъ все существо его.

Въ немъ появилась какая-то внутренняя сила, которая — очевидно—искала себѣ исхода, и какъ разъ исходъ этой силѣ и далъ ему старецъ Семень Дмитріевичъ, въ возложенномъ на него испытаніи.

Въ то время въ Москвѣ томила одна страждущая душа, Клеопатра Владиміровна Мессингъ, рожденная Каблукова, дочь заслуженнаго генерала—героя войны двѣнадцатаго года.

Происходя изъ богатой и родовитой семьи, она была выдана замужъ за помѣщика Мессингъ, который растратилъ все ея приданое картежной игрой и оставилъ ее безъ средствъ, съ дочерью-младенцемъ на рукахъ.

Самъ онъ велъ въ послѣдствіи жизнь пьянаго, шатающагося. Время отъ времени—появлялся на горизонтѣ, чтобы, получивъ денежную помощь, скрыться опять въ тѣхъ низинахъ, гдѣ люди проматываютъ свою совѣсть, силы и честь.

Госпожа Мессингъ жила еще въ довольно большой квартирѣ, право жительство въ которой было ею уплочено по контракту, имѣла кое-какія остатки роскоши, на примѣръ — прекрасные, большіе фамилные портреты масляными красками. И вся эта обстановка была ширмой, за которой зіяла настоящая бѣдность, угрожавшая оставить бѣдную женщину въ полномъ смыслѣ слова безъ куска лѣба.

Съ родными своими госпожа Мессингъ порвала, такъ какъ бракъ ея былъ имъ не угоденъ. Она почти никого не знала въ своемъ сиротствѣ, несчастіи и бѣдности. Ей не на кого было опереться. И вотъ—однажды, когда Козьма Ефремовичъ Ефремовъ былъ у Семена Дмитріевича, тотъ задержалъ его до прихода къ нему плачущей госпожи Мессингъ, познакомили ихъ а заповѣдалъ Ефремову заботиться объ этихъ двухъ жизняхъ, брошенной и обобранной женщины и ея беззащитнаго младенца-дочери, сказавъ объ этомъ ему словами псалма:

— «Нищій Богу оставленъ, сиру ты буди помощникъ», причѣмъ—чрезвычайно вѣское удареніе сдѣлалъ на словѣ ты.

И, вотъ, Семень Дмитріевичъ давно уже лежалъ въ могилѣ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, а Козьма Ефремовичъ продолжалъ совершать возложенное на него послушаніе.

Онъ сумѣлъ разобраться въ дѣлахъ госпожи Мессингъ, которая въ нихъ ничего не понимала. Одинъ долгъ, который казался совершенно безнадежнымъ, былъ переведенъ на надежный документъ, и по этому долгу они получали капиталъ и проценты въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій.

Когда этотъ источникъ закрылся, Козьма Ефремовичъ заинтересовалъ въ судьбѣ несчастной одного племянника госпожи Мессингъ—сына блестящей въ свѣтѣ своей красотой княгини Олимпіады Александровны Барятинской, генераль-адъютанта князя Барятинскаго, который сталъ выдавать теткѣ и двоюродной сестрѣ ежегодно щедрую поддержку.

Однимъ словомъ, не имѣя въ сущности ничего и угрожаемая много десятилѣтій тому назадъ голодною смертію,—эти двѣ беззащитныя женщины, получивъ себѣ попечителя въ лицѣ Козьмы Ефремовича, прожили не только безбѣдно, но и съ нѣкоторымъ достаткомъ всю свою долгую жизнь.

У нихъ была собственная квартира, своя старая обстановка, кое-какая бронза, фарфоръ и картины. У нихъ было двое прислугъ: кухарка и горничная, и сытый и здоровый столъ.

Для тѣхъ, кто зналъ этихъ трехъ людей, жизнь ихъ казалась чудомъ.

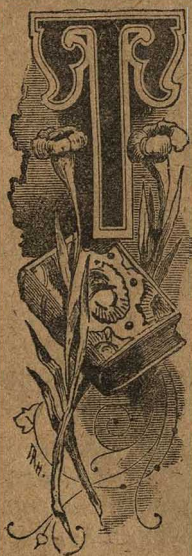
Замѣчательно и то, какъ Господь призвалъ ихъ къ Себѣ, одного за другимъ. Сперва умерла старушка. Черезъ нѣсколько дней послѣ нея—престарѣлая уже дочь, а черезъ нѣсколько дней позже—и самъ Козьма Ефремовичъ.

Такъ—разомъ—пресѣчена жизнь этого попечителя беззащитныхъ и самихъ,—имъ опекаемыхъ. Когда пресѣклась ихъ жизнь, которую онъ сумѣлъ оберечь до конца, тогда Богъ оозвалъ къ Себѣ и его, столь честно и свято исполнившаго завѣтъ старца Семѣна Дмитріевича.

Эти нищія, прожившія — однако — весь свой вѣкъ барынями и явившія на себѣ исполненіе истины, псаломскими словами возвѣщенной въ томъ завѣтномъ ихъ соединеніи старцемъ Семеномъ Дмитріевичемъ—«Нищій Богу оставленъ, сиру ты буди помощникъ», — схоронены рядомъ въ послѣднемъ приютѣ московской знати, въ московскомъ Донскомъ монастырѣ. И мѣсто послѣдняго упокоенія ихъ покрываетъ одинъ общій зеленый холмъ.

РАБА БОЖІЯ АННА ИВАНОВНА

(почивающая на Смоленскомъ кладбищѣ Петрограда).

ТРОГАТЕЛЬНОЕ почитаніе окружаетъ память рабы Божіей блаженной Ксеніи юродивой, почивающей въ Петроградѣ, на Смоленскомъ кладбищѣ.

Я помню еще въ концѣ прошлаго вѣка небольшую, низкую часовенку, которая стояла надъ надгробіемъ блаженной Ксеніи и которая нынѣ смѣнилась громадной, высокой, прекрасной часовней. Однако, и эта часовня часто не вмѣщаетъ уже всѣхъ собравшихся къ этой могилѣ богомольцевъ.

Почитаніе блаженной Ксеніи во всѣхъ рѣшительно слояхъ петроградскаго общества такъ велико, что, какъ мнѣ говорили, количество отдѣльныхъ панихидъ, заказывавшихся по блаженной въ дни ближайшіе ко дню ея памяти—двадцать четвертаго января—достигали до трехъ и четырехъ сотъ ежедневно.

Въ послѣдніе годы многія лица, приходящія на поклоненіе къ могилѣ блаженной Ксеніи, заходятъ еще и на другую могилу, находящуюся недалеко отъ кладбищенскихъ воротъ, влѣво, на Дворянской дорожкѣ,—на могилу подвижницы Анны Ивановны.

Анна Ивановна происходила изъ дворянской семьи Лукашевыхъ и воспитывалась въ одномъ изъ петроградскихъ институтовъ. По окончаніи курса она стала выѣзжать, какъ говорится, въ свѣтъ, и встрѣтилась здѣсь съ однимъ гвардейскимъ офицеромъ, къ которому привязалась со всѣмъ глубокимъ чувствомъ свѣжей, искренней молодости.

Дѣвушка хотѣлось получить отъ него брачное предложеніе, и въ воображеніи ея рисовалась картина будущей семейной жизни съ дорогимъ и любимымъ мужемъ.

Но все повернулось иначе. Офицеръ этотъ совершенно неожиданно перенесъ свое вниманіе на другую дѣвушку и на ней женился.

Анна Ивановна осталась одна, съ сердцемъ навсегда разбитымъ, потому что она была изъ числа тѣхъ избранныхъ, которыя любятъ въ жизни только одинъ разъ и никогда не замѣнять первой привязанности послѣдующими.

Остаться болѣе въ томъ городѣ, который видѣлъ ея юное счастье, счастье раздѣленной, какъ она вѣрила тогда, любви, слышать имя человѣка, который продолжалъ оставаться для нея все такъ же дорогъ, можетъ быть, еще дороже, теперь, когда она его навсегда потеряла, встрѣчать, быть можетъ, этого молодого человѣка съ его женой—все это было выше ея силъ.

Она рѣшила покинуть столицу, отрѣзать отъ себя совсѣмъ всю свою прежнюю жизнь, порвать съ родными, друзьями и знакомыми.

Гдѣ провела послѣдующіе годы своей жизни Анна Ивановна—неизвѣстно. Въ Петроградѣ она появилась снова уже въ совершенно измѣненномъ видѣ, въ видѣ юродивой.

Жалкое рубище служило ей одеждой. На головѣ ея былъ бѣлый чепецъ, закрытый ситцевымъ платкомъ съ завязаннымъ спереди узломъ. Въ одной рукѣ у нея была палка, другая рука придерживала громадный мѣшокъ, до полна набитый, въ который она сваливала всѣ подаванія добрыхъ людей.

Анна Ивановна не имѣла постояннаго пристанища и бродила по городу. Ее можно было встрѣтить на Сѣнной площади, въ Гостиномъ ряду, въ Периной линіи и въ другихъ людныхъ мѣстахъ города.

Видъ старой, оборванной, изморенной женщины возбуждалъ сожалѣніе. Многіе подавали ей милостыню; а знавшіе ее купцы и приказчики сваливали ей остатки ситца, лентъ, платки и башмаки.

Все это она молча забирала въ свой мѣшокъ и потомъ всѣ эти вещи раздавала бѣднымъ. Когда же мѣшокъ опорожнялся, Анна Ивановна, для того, чтобы томить себя, накладывала въ него камней и продолжала таскать его на себѣ.

Ее иногда видала въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и войдя въ пансіоны или институты, она разговаривала съ воспитанницами на правильномъ французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ.

Часто ночевала она у домовладѣльца Пѣтухова на Сѣнной

площади и крестила у него его дѣтей. Часто ночевала тоже въ квартирѣ Спасо-Сѣнновскаго священника.

Многочисленный народъ Сѣнной площади видѣлъ въ Аннѣ Ивановнѣ не нищенку, а подвижницу, принявшую на себя тяжкій подвигъ ради Христа. Они не оскорбляли ее, и охотно давали ей милостыню, зная, что эта милостыня будетъ подана Анной Ивановной дѣйствительно нуждающемуся человѣку.

Когда она шла по улицѣ, извозчики одинъ передъ другимъ наперерывъ подкатывали къ ней и умоляли, чтобы она позволила имъ провезти себя хоть нѣсколько шаговъ, такъ какъ въ тотъ день, какъ Анна Ивановна посидитъ въ пролеткѣ, не будетъ отбоя отъ сѣдоковъ.

Анна Ивановна начинала шумѣть и ссориться съ извозчиками, грозила имъ палкой, и, наконецъ, садилась на того, котораго считала самымъ лучшимъ по нравственнымъ качествамъ. За ѣзду Анна Ивановна давала пятиалтынный, но извозчики предпочитали имѣть отъ нея копѣчку, такъ какъ именно копѣчка Анны Ивановны—это было замѣчено—ручалась за удачу этого дня.

Приходя въ знакомые дома, Анна Ивановна требовала, чтобы дочери въ семьѣ кроили и шили изъ пожертвованной ей матеріи какія-нибудь носильныя вещи и платья для тѣхъ, кому она распредѣляла свою милостыню.

Когда она бывала въ семьяхъ, то какъ-то неволью сіяла ея даръ прозорливости. Многие люди впервые встрѣчавшіе Анну Ивановну и не вѣдавшіе ничего о ея жизни, соблазнялись ея грязнымъ и рванымъ платьемъ, ея страннымъ крикомъ, ворчливостью: они не знали, что такимъ докучливымъ и страннымъ поведеніемъ Анна Ивановна старалась уменьшить то уваженіе, съ которымъ относились къ ней люди.

Какъ-то на дворѣ Невской лавры Аннѣ Ивановнѣ встрѣтился очень молодой архимандритъ, имѣвшій ученую степень. Подойдя къ нему подъ благословеніе, юродивая сказала ему, что онъ вскорѣ будетъ епископомъ.

Предсказаніе ея казалось страннымъ и несбыточнымъ, такъ какъ епископскаго сана, по обычаю, этому молодому человѣку приходилось ждать долго. Но, дѣйствительно, онъ вскорѣ былъ сдѣланъ петроградскимъ викаріемъ.

Тутъ и вспомнились ему слова Анны Ивановны. Онъ разыскалъ ее, и чтобы освободить ее отъ неприятностей, которыя она могла имѣть отъ полиціи по своей безпаспортности, чтобы дать ей нѣкоторый покой, онъ устроилъ ее въ кладбищенскую богадѣльню на Большой Охтѣ.

Но въ богадѣльнѣ Анна Ивановна чувствовала себя не важно. Богадѣлки проводили часто день въ пустыхъ пересу-

дахъ, и Анна Ивановна, часто вмѣшиваясь въ эти ссоры, шумѣла и кричала на богадѣлокъ, говорила имъ рѣзкости.

Онѣ, со своей стороны, выражали свое презрѣніе къ грубой и грязно одѣтой Аннѣ Ивановнѣ и старались досадить ей.

Встрѣтила однажды Анна Ивановна семинариста, только что окончившаго курсъ, дала ему палку и промолвила:

— Возьми себѣ эту палку, она тебѣ пригодится.

Тотъ долго не понималъ, что значать слова Анны Ивановны. Черезъ долгое время онѣ былъ назначенъ полковымъ священникомъ, и когда ему пришлось со своимъ полкомъ вести полукошевую жизнь, онѣ понялъ, что подъ словами «возьми себѣ палку» Анна Ивановна предсказывала ему кочевую и походную жизнь.

Какъ-то разъ на поминкахъ, послѣ похоронъ зажиточнаго купца, протоіерей Покровской Сѣнной церкви, о. Михайловъ, сталъ выспрашивать у Анны Ивановны, достаточно ли она приготовилась къ смерти, и говорилъ ей, что смерть ея не далека.

— Батюшка,—отвѣчала Анна Ивановна,—нѣтъ часа, когда бы я не была готова умереть. Я готовилась къ этому часу всю свою жизнь. А ты, вотъ, послѣ моей смерти не проживешь больше недѣли. Жаль мнѣ твою семью...—Это предсказаніе юродивая повторила еще разъ... и оно сбылось.

Анна Ивановна скончалась перваго іюля 1853 года, а священникъ Гавріиль занемогъ холерой перваго іюля и скончался черезъ три дня.

Однажды, прийдя къ священнику Спасо-Сѣнновской церкви Листову, Анна Ивановна сказала ему въ разговорѣ:

— Ну, батюшка, ты скоро будешь большимъ священникомъ: видишь все бугорки да кресты, горки да горки, кресты да кресты—такъ тамъ и будешь большимъ священникомъ.

И, дѣйствительно, отецъ Листовъ былъ назначенъ, съ возведеніемъ въ протоіереи, настоятелемъ на Больше-Охтенскомъ кладбищѣ.

Какъ-то разъ, прийдя въ домъ къ тому же священнику, Анна Ивановна сунула ему розовой парчи и проговорила:

— Храни эти куски, они пригодятся тебѣ къ свадьбѣ.

Отецъ Александръ недоумѣвалъ, о какой свадьбѣ говорить юродивая, между тѣмъ, какъ въ скорости двѣ дочери его были просватаны.

Собирались крестить ребенка у діакона Спасо-Сѣнновской церкви Васильева. Человѣкъ онѣ былъ небогатый, поэтому гостей звали немногихъ.

Передъ самымъ крещеніемъ у параднаго хода появилась Анна Ивановна, и діаконъ выразилъ женѣ своей досаду, не зная, куда ее дѣть.

Діаконица предложила провести ее на кухню.

Пока этотъ разговоръ происходилъ въ квартирѣ, Анна Ивановна на дворѣ внезапно направилась къ черному ходу, и, войдя въ кухню, повторила точь въ точь слова діакона:

— Ахъ, эта Анна—опять притащилась! Ну, куда вы ее дѣнете! Придетъ батюшка, кумъ, кума, куда же ее дѣтъ, развѣ въ кухню? Да нѣтъ, я уйду изъ кухни. А вотъ возьми копѣйку въ руки; ты бѣдная, такъ вотъ тебѣ пригодится, первый подарокъ новорожденному отъ меня.

И смиренная раба Божія, которую встрѣтили такъ неласково, побрела изъ дому. Но копѣйка ея оказалась тароватой. Пришли многіе люди, которыхъ на крестины и не звали, и въ общемъ ребенокъ получилъ очень много хорошихъ подарковъ.

Много случаевъ прозорливости Анны Ивановны сохранилось въ воспоминаніяхъ семьи настоятеля Спасо-Сѣнновской церкви и профессора петроградской духовной академіи, протоіерея Иванова.

Братъ его былъ бездѣтенъ, о чемъ онъ съ женою часто горевалъ. Разъ какъ-то Анна Ивановна говоритъ ему:

— Полно, батюшка, Бога-то гнѣвить! Онъ, вѣдь, знаетъ, кому что нужно. Скоро тебѣ ребенка пошлетъ, и какая дѣвочка будетъ хорошая!

Въ скоромъ же времени Ивановымъ подкинули новорожденного ребенка. Они окрестили его въ честь Анны Ивановны «Анной».

Дѣвочка росла красивой, здоровой. Анна Ивановна часто приходила полюбоваться на свою любимицу и не разъ заставляла ее шить юбки и кофты для бѣдныхъ изъ приносимаго ею ситца. Когда дѣвушкѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ, Анна Ивановна, въ одно изъ своихъ посѣщеній, вынула изъ своего громаднаго мѣшка узелъ съ пряниками и орѣхами и стала говорить, что вскорѣ придется ей угощать множество гостей. Затѣмъ подала ей кусокъ розоваго коленкора и проговорила при этомъ:

— Соколь-то твой съ какимъ полетомъ! Ты съ нимъ далеко улетишь, тебя и не увидимъ.

Вскорѣ дѣвушка познакомилась съ молодымъ академикомъ, который получилъ назначеніе въ одну посольскую церковь за границей. Уѣхавъ съ мужемъ въ чужіе края, молодая Анна Ивановна при жизни родителей не возвращалась уже въ Петербургъ, и они умерли, не повидавшись съ ней.

На свадьбѣ у Ивановыхъ была и Анна Ивановна. Она подошла къ племянницѣ хозяина, молодой дѣвушкѣ Клавдіи

Михайловнѣ Ивановой, и, тщательно повязавъ голову ея розовой лентой, промолвила:

— На всю жизнь будешь розовымъ бутонемъ.

Барышня эта никогда не вышла замужъ.

Однажды зимой, въ саду того же протоіерея Иванова, Анна Ивановна стала махать руками и причитать:

— Сколько уродилось яблокъ-то, и кричала, чтобы сучья подпирали кольями.

На слѣдующее лѣто на этихъ яблоняхъ получился необыкновенный урожай, такъ что многія вѣтви поломались отъ тяжести плодовъ.

Незадолго до смерти Анна Ивановна пошла на Смоленское кладбище, пригласила кладбищенскаго священника на то мѣсто, гдѣ ее потомъ схоронили и, разостлавши по землѣ принесенный ею покровъ, просила отслужить панихиду по рабѣ Божіей Аннѣ. Покровъ она отдала въ церковь, чтобы имъ покрывали бѣдныхъ покойниковъ. А себя просила схоронить на указанномъ ею мѣстѣ.

Скончалась Анна Ивановна перваго іюля 1853 года въ тѣсной квартиркѣ нѣкихъ Березайскихъ. Тѣло ея по тѣснотѣ квартиры было вынесено въ храмъ Спаса на Сѣнной. Притокъ народа все увеличивался, и былъ особенно великъ въ день отпѣванія—пятаго іюля.

Десятки тысячъ народа сопровождали погребальное шествіе на Смоленское кладбище. По словамъ духовенства, участвовавшаго въ погребеніи, народа въ этотъ день было не менѣе, чѣмъ въ день празднованія Смоленской иконы Богоматери, когда на кладбище собирается до сорока тысячъ.

Въ «Погребальныхъ вѣдомостяхъ» кладбища покойница была записана неправильно подъ именемъ дочери умершаго работника медицинскаго вѣдомства, Ивана Ложкина.

Подъ этой вымышленной фамиліей и званіемъ она была очевидно опредѣлена въ Охтенскую богадѣльню, и донинѣ нѣкоторые думаютъ, что ея фамилія была Лошкина или Ложкина, тогда какъ въ дѣйствительности она происходила изъ дворянской семьи Лукашевыхъ.

Долгое время могила Анны Ивановны представляла изъ себя насыпь, покрытую дерномъ, съ простою цокольною плитою, на которой было отмѣчено объ ея юродствѣ, въ головахъ стоялъ дубовый крестъ съ теплящеюся лампадою.

Лѣтъ десять тому назадъ, по почину одной почитательницы Анны Ивановны, на могилѣ устроена часовня. Часовня

эта отперта обыкновенно часовъ до трехъ, у нея бываетъ не малое количество посѣтителей.

Нѣкоторые изъ этихъ посѣтителей сообщаютъ, что они видали рабу Божію Анну во снѣ, причемъ она давала имъ со-вѣты или просила отслужить по себѣ панихиду. Разказы-ваютъ и о многихъ необыкновенныхъ случаяхъ получения отъ нея помощи...

СХИМОНАХЪ ФИЛИППЪ

(основатель Киновійской пустыни и пещерь при Геосиманскомъ скитѣ).

ОДОБНО тому, какъ отъ большого стараго дерева идутъ многочисленныя отростки, такъ часто одна знаменитая обитель бываетъ окружаема какъ бы молодою порослью взявшихъ отъ нея свое основаніе маленькихъ обителей.

Какъ-то преподобный Сергій Радонежскій, молясь у себя въ кельѣ, услыхалъ необычайно сладкое пѣніе снаружи. Открывъ окно, онъ увидаль воздухъ, наполненный множествомъ птицъ, и услыхалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, таинственный голосъ. Голосъ этотъ говорилъ, что подобно тому какъ умножилось число этихъ птицъ, такъ же умножится и число его учениковъ, которые оснуютъ собственные монастыри.

И, дѣйствительно, птенцы великаго гнѣзда преподобнаго Сергія разлетѣлись по всему сѣверу и основали множество обителей.

Но и въ послѣднее время близъ Троице-Сергіевой лавры возникло нѣсколько обителей, которыя окружають ее, какъ многопудовую свѣчу окружають тонкія, но тѣмъ же усердіемъ горящія свѣчи.

Вотъ устроенный знаменитымъ митрополитомъ Платономъ, блестящія дарованія котораго равнялись искренности и простотѣ его вѣры—Виоанскій монастырь. Вотъ тамъ, въ лѣсахъ, скитъ Параклитъ. Вотъ основанный монашескимъ духомъ великаго митрополита Филарета Геосиманскій скитъ. Вотъ около него начатый трудами схимонаха Филиппа пещерный монастырекъ. Этотъ же схимонахъ Филиппъ положилъ начало Киновійской пустынькѣ.

Если вы, выйдя изъ Троице-Сергіевой лавры, пойдете по

Виѳанской улицѣ и свернете вправо по блестящему зеленому лугу, вы дойдете, наконецъ, до глубокаго оврага, надъ которымъ перекинуть мостикъ и по этому мостику вы зайдете въ небольшую обитель. Въ серединѣ ея стоитъ храмъ, въ нижней части котораго подъ землей находится могила основателя, схимонаха Филиппа. На могилѣ лежатъ его вериги.

Все такъ мирно и тихо тутъ, въ этомъ послѣднемъ пріютѣ души, искавшей одного Бога, рвавшейся во имя Его на подвиги и познавшей тутъ, на землѣ, какъ ту радость, какую даетъ Господь Своимъ истиннымъ послѣдователямъ, такъ и тѣ дары великіе, которые Господь посылаетъ вѣрнымъ слугамъ Своимъ— и въ награду имъ, и въ доказательство того, что вѣренъ былъ избранный ими путь.

Яркій представитель подвижниковъ русскаго крестьянства, схимонахъ Филиппъ былъ родомъ крестьянинъ Владимірской губерніи, Вязниковскаго уѣзда, деревни Стряпковой. Звали его Филиппъ Андреевичъ Хоревъ. Онъ былъ крѣпостной богатою помѣщицы Бажановой и родился втораго ноября 1802 года. У родителей его, кромѣ него, было еще двое сыновей.

Семья Хоревыхъ была набожная, но и среди той набожности особенно выдѣлялся младшій сынъ Филиппъ. Онъ былъ чрезвычайно кроткій, почтительный къ старшимъ, а церковь любилъ до такой степени, что не пропускалъ ни одной службы.

Грамотность была въ то время рѣдкимъ явленіемъ въ русскои землѣ, и Филиппушка грамотѣ не учился; но съ какой-то особой жаждой онъ вслушивался во всякое слово, которое читалось въ церкви.

И, если на полѣ во время работъ заставлялъ его звонъ ихъ сельскаго колокола, онъ бросалъ работу и спѣшилъ въ церковь. Такіе поступки вызывали раздраженіе родственниковъ. Они хотѣли, чтобы онъ работалъ безъ перерыва и называли его дармоѣдомъ и лѣнивцемъ. Ему приходилось даже переносить побои, но онъ все терпѣлъ, и не оставлялъ своей любви къ храму.

Вотъ Филиппъ подросъ, и родители стали ему искать невѣсту, такъ какъ въ домъ нужна была лишняя работница, а мать Филиппа по старости работала уже не такъ, какъ прежде. Филиппъ по своему благочестивому настроенію и думать не хотѣлъ о женитьбѣ. Однако, его въ двадцатидвухлѣтнемъ возрастѣ женили почти силой. Болѣе десяти лѣтъ Филиппъ прожилъ мирно и тихо съ женой, и она умерла, оставивъ ему трехъ сыновей, которые впоследствии были сподвижниками своего отца.

Горе Филиппа при потерѣ жены было тѣмъ больше, что

средняго его сына помѣщикъ отдалъ въ числѣ приданого за дочерью въ другую семью.

И при жизни жены Филиппъ не оставлялъ своихъ благочестивыхъ навыковъ, а теперь сталъ вести жизнь чисто монашескую. Онъ уклонялся отъ всякаго сношенія съ родными и другими крестьянами. Никогда улыбка не освѣщала его строгаго всегда лица.

Родители думали, что онъ станетъ веселѣе и будетъ чувствовать себя лучше, когда женится, и опять уговорили его жениться. Онъ же думалъ, главнымъ образомъ, о томъ, какъ бы приобрести хорошую мать для своихъ дѣтей. И жена попалась ему заботливая и попечительная, но онъ все больше и больше уходилъ въ подвиги.

Онъ постился по нѣсколько дней, спалъ на голой землѣ, постоянно ходилъ съ открытой головой, босой, одѣтый въ одну холщевую длинную рубаху. И, очевидно, желая привлечь на себя, какъ на юродиваго, всяческія насмѣшки, все переносилъ молча, и на брань отвѣчалъ изумительнымъ терпѣніемъ. Онъ ходилъ даже неумытымъ и иногда маралъ себѣ лицо грязью или дегтемъ.

Случалось, что онъ исчезалъ по нѣсколько дней, и эти дни проводилъ въ странствованіи по монастырямъ или гдѣ-нибудь въ чащѣ лѣса, гдѣ искалъ полнаго безмолвія. Послѣ такихъ отлучекъ его иногда сажали подъ замокъ въ холодную избу или тѣлесно наказывали. Когда его спрашивали, гдѣ онъ былъ, онъ ничего не отвѣчалъ, и никто изъ окружающихъ не понималъ Филиппа.

Родные, считая его порченнымъ или лишеннымъ ума, силою его одѣвали и обували, но онъ все съ себя снималъ и отдавалъ первому попавшемуся нищему или страннику. Его возили къ священнику, чтобы тотъ читалъ надъ нимъ молитву, какъ надъ порченнымъ. Все это, конечно, докучало Филиппу, и въ немъ образовалась рѣшимость совершенно разстаться съ родными ему мѣстами.

И вотъ онъ ушелъ и въ теченіе десяти лѣтъ скитался изъ города въ городъ, изъ монастыря въ монастырь. Въ это время можно было встрѣтить въ разныхъ русскихъ обителяхъ высокаго, голоднаго, съ исхудалымъ и загорѣлымъ лицомъ, босого странника. Приходилось ему узнать и тоску душевной тюрьмы, быть пересылаемымъ по этапу съ разбойниками, какъ безпаспортному бродягѣ, при чемъ—лицъ, которыя истязали его, онъ изумлялъ иногда необычайными отвѣтами. Такъ, когда въ Ардатовѣ надзиратель ударилъ его палкой, съ которой онъ

обыкновенно ходилъ, и появилась кровь, надзиратель спросилъ, что это такое.

— А это красная водка, которая меня грѣтъ, — сказала ему Филиппъ.

Въ другой разъ въ городѣ Арзамасѣ чиновникъ накинулся на него, говоря, что той дубиной, которую онъ съ собою носить, можно убить человѣка.

— Нѣтъ, братъ, — кротко отвѣтилъ ему Филиппъ, — тѣмъ легкимъ перышкомъ, которое у тебя за ухомъ, ты легче убьешь нѣсколько человѣкъ, чѣмъ я моей дубиной.

Однажды въ праздничный день Филиппъ былъ арестованъ въ Москвѣ на соборной площади полицейскимъ чиновникомъ, который обратилъ вниманіе на его странную одежду. Онъ былъ въ длинномъ подрясникѣ съ непокрытой головой, въ босовикахъ на ногахъ и держалъ въ рукѣ тяжелую палку съ мѣднымъ голубкомъ. Когда надзиратель спросилъ Филиппа, куда онъ идетъ, онъ отвѣтилъ — «къ царю обѣдать». На языкѣ Филиппа «идти къ царю» значило идти къ обѣднѣ.

Полицейскій велѣлъ посадить Филиппа въ частный домъ, а старшій сынъ его, шедшій за отцомъ, отправился разсказать объ этомъ знакомой купчихѣ, которая немедленно отправилась къ одной графинѣ, уважавшей Филиппа. Та немедленно съѣздила къ оберъ-полицеймейстеру и добилась его освобожденія. Когда графиня сама пріѣхала въ часть за Филиппомъ и спросила его, хорошо ли ему здѣсь, онъ отвѣтилъ:

— Ничего, молодушка, хорошо, все лучше ада кромѣшнаго, а вотъ въ аду куда нехорошо!

Въ Филиппушкѣ, несомнѣнно, уже въ тѣ годы дѣйствовалъ даръ прозорливости.

Однажды, игуменья женскаго Муромскаго монастыря разсказывала Филиппушкѣ, что богатый купецъ-благодѣтель пожертвовалъ ихъ монастырю большой колоколъ. Но она совсѣмъ не знаетъ, когда этотъ колоколъ привезутъ къ нимъ въ монастырь.

— А недѣль черезъ двѣнадцать вода привезетъ, — отвѣтилъ съ увѣренностью Филиппушка. Игуменья не хотѣла вѣрить этимъ словамъ. Колоколъ долженъ былъ къ ней придти на лошадахъ, но слова Филиппушки сбылись: вслѣдствіе дурной дороги жертвователю не рѣшился отправить колоколъ на лошадахъ, и онъ пришелъ въ Муромъ по Окѣ на баржѣ, и какъ разъ въ то время, о которомъ говорилъ Филиппъ.

Въ городѣ Вязникахъ Филиппушка посѣщала знакомое семейство, и, какъ-то разъ придя къ нимъ, спросилъ красный платокъ и сталъ вытирать этимъ платкомъ стѣны и дуть на нихъ.

Черезъ нѣсколько дней этотъ домъ сгорѣлъ въ пожарѣ, и тогда поняли, что значилъ красный платокъ, которымъ Филиппушка вытиралъ стѣны.

Однажды, въ городѣ Муромѣ, шло свадебное пиршество. Изнутри на улицу доносился гомонъ праздника, и посмотрѣть черезъ окно на пляски и пѣсни собралось много народа. Филиппушка съ трудомъ протѣснился черезъ толпу, положилъ на окно восковую свѣчку съ пачкой глины. Оказалось, что черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы молодой жестоко простудился заболѣлъ и умеръ.

Пишущему эти строки пришлось слышать рассказъ отъ жены одного московскаго протоіерея, которая молодой барышней была со своей теткой на богомольѣ въ Троицкой лаврѣ.

Въ окрестностяхъ ея она встрѣтилась съ Филиппушкой, который, посмотрѣвъ на нее, увѣренно сказалъ: «въ этомъ году замужъ выйдешь». Въ то время она еще и не знала своего жениха, такъ что о свадьбѣ не могло быть и рѣчи. А, между тѣмъ, по словамъ Филиппушки ея свадьба случилась въ тотъ же годъ.

Было замѣчено, что появленіе Филиппушки въ чьемъ-нибудь домѣ приносило этому дому счастье. Господь награждалъ тѣхъ, кто отъ чистаго сердца относился ласково къ этому человѣку, оставившему для Бога міръ, семью и земныя радости.

Многіе любили говорить съ Филиппушкой, давали ему деньги. Всѣ поступающія къ нему приношенія онъ распредѣлялъ между бѣдными, которые толпились вокругъ него.

Въ то время сіялъ въ Москвѣ всему православному міру незабвенный митрополитъ Филаретъ.

Человѣкъ гениально одаренный, онъ—тѣмъ не менѣе—съ великой снисходительностью относился къ меньшей братіи. Ему былъ данъ даръ различать людей, и многихъ подвижниковъ, къ которымъ современники относились съ недоувѣріемъ, онъ поддерживалъ своимъ довѣріемъ. Къ числу ихъ относился и Филиппушка. Многіе міряне его осуждали, надъ нимъ глумились, и считали его пустосвятомъ и дармоѣдомъ, а Филаретъ зналъ, какого онъ духа, и его поддерживалъ.

Въ 1847 году митрополитъ Филаретъ далъ Филиппушкѣ благословеніе пожить въ Троицкой лаврѣ и предупредилъ объ этомъ намѣстника лавры, архимандрита Антонія, искренно имъ любимаго и уважаемаго своего духовника, слѣдующими словами: «Богъ благословитъ раба Своего Филиппа и да сотворитъ благое душѣ его».

Но Филиппъ недолго оставался въ Троице-Сергіевой лаврѣ.

Въ лаврѣ было слишкомъ многолюдно для такого человѣка, какъ Филиппъ. Его тянуло куда-нибудь подальше.

Въ то время только что возникъ въ окрестностяхъ Троице-Сергіевой лавры Геосиманскій скитъ, въ который время отъ времени удалялся митрополитъ Филаретъ, чтобы уединеннымъ подвигомъ удовлетворять ту жажду истиннаго монашества, которая смолоду жгла его душу и которую ему, погруженному въ дѣла епархіи, проповѣдничества и въ ученые труды, пришлось за всю свою жизнь удовлетворять такъ мало.

Между лаврой и Геосиманскимъ скитомъ, охваченная съ двухъ сторонъ привольнымъ старымъ сосновымъ боромъ, въ густой лѣсной чащѣ за прудомъ стояла ветхая лѣсная сторожка. Въ этой сторожкѣ, съ благословія архимандрита Антонія, намѣстника лавры, и поселился Филиппушка.

Пріютно было это мѣсто. Лѣтомъ здѣсь разстилался широкій луговой коверъ изъ сочной травы и пестрыхъ цвѣтовъ, зимой въ защитѣ лѣса здѣсь было тихо, и деревья задумчиво свѣшивали свои вѣтви, отягченныя бѣлымъ непорочнымъ снѣгомъ, и порою луна лила на нихъ свой синій серебристый свѣтъ.

Филиппушка удалился въ это мѣсто для уединенія, но народъ сыскалъ его и здѣсь и сталъ толпами къ нему стекаться.

Нечего было дѣлать: приходилось принимать народъ, и съ искренней лаской встрѣчалъ своихъ гостей Филиппушка, говоря почти каждому:

— Съ ангеломъ, съ ангеломъ, Христовымъ вѣстникомъ.

Богатая, дѣятельная природа Филиппушки требовала усиленной дѣятельности и тогда, когда онъ оставался на постоянномъ мѣстѣ. И вотъ, онъ обратился къ намѣстнику лавры, архимандриту Антонію, съ просьбой позволить ему выкопать обширный погребъ.

Получивъ это разрѣшеніе, Филиппушка со своимъ послушникомъ Митрофаномъ принялся за рытье глубокой ямы. Вырывъ эту яму, онъ сталъ вести изъ нея корридоры въ глубь земли, вродѣ пещеръ Киево-Печерской лавры. За трудомъ копанія пещеръ Филиппушка со своимъ послушникомъ проводилъ все время, свободное отъ богослуженія. Трудъ этотъ былъ не изъ легкихъ, такъ какъ землю приходилось выносить мѣшками на себѣ; стѣны постоянно обваливались, и отшельники должны были досками и подпорками поддерживать вырытую ими землю.

Двое изъ послушниковъ, рывшихъ пещеры, Митрофанъ и Андрей, во время этой работы видѣли однажды какъ бы тѣнь ангела, который пролетѣлъ надъ ними съ двумя вѣнцами. Они рассказали объ этомъ видѣніи Филиппушкѣ, который кротко отвѣчалъ имъ: «воля Божія, молитесь!» А на другой день оба

эти послушника были во время работы на смерть засыпаны обвалившейся землей.

Одинъ изъ старцевъ скита, недругъ Филиппушки, набросился съ упреками на Филиппушку и сталъ грозить ему, что пещеры его будутъ засыпаны и закрыты. И, будь въ Москвѣ другой митрополитъ, иначе смотрящій на духовную жизнь,— быть можетъ, такъ бы и случилось. Но, дивный мудростью и духовностью своею, митрополитъ Филаретъ судилъ иначе объ этомъ дѣлѣ.

Прежде всего, намѣстникъ лавры Антоній успокоилъ Филиппушку въ томъ, что вины его въ этомъ происшедшемъ несчастіи нѣтъ никакой, а затѣмъ митрополитъ Филаретъ писалъ объ этомъ дѣлѣ своему духовнику, намѣстнику лавры Антонію, слѣдующее:

«Не безъ слезъ пропѣлось мнѣ: «со святыми упокой, Христе, души рабъ Твоихъ Митрофана и Андрея».

«Можно вѣрить, что Господь принялъ доброе начало ихъ подвига, какъ совершеніе его. Но печалень случай кончины по отношенію къ другимъ, которые, не зная, что Господь уготовалъ ихъ къ преставленію, смутятся въ помыслахъ о подвижничествѣ (то есть, что лицо, шедшее монашескимъ путемъ, было похищено смертью безъ напутствованія таинствъ). Господь дасть слышащимъ о семъ доброе разумѣніе подвига и наставленіе содержать себя въ готовности къ смерти неожиданной и близкой».

Въ вырытой имъ небольшой подземной пещерѣ отецъ Филиппъ сталъ совершать молитвы и чтенія правилъ. Митрополитъ Филаретъ ничего не возражалъ противъ заведенныхъ пещеръ и писалъ относительно Филиппушки: «Господь да просвѣщаетъ ищущихъ Его въ темнотѣ пещерной».

Пещеры понемногу расширялись, въ нихъ стало совершаться богослуженіе—утреня и полунощница; постепенно собирались монахи, желавшіе особаго уединенія. Отъ большой пещеры проводились все дальше ходы, и въ этихъ коридорахъ вырывали отдѣльныя пещерки для келій.

Богослуженіе въ пещерахъ совершалось продолжительно, а псалмопѣніе велось по правилу святого Пахомія Великаго.

Три года уже обиталъ Филиппушка въ своихъ пещерахъ, какъ къ нему пришли двое его сыновей, Игнатій и Василій. Имъ очень хотѣлось раздѣлить подвиги отца. Старшій изъ нихъ, Игнатій, былъ женатъ и жена его была жива, но она вступила послушницей въ Зосимовскую пустынь, Подольскаго уѣзда. Черезъ годъ къ Филиппушкѣ пришелъ и его третій сынъ, Порфирій. Такъ какъ всѣ они были крѣпостные, то Филип-

пушкѣ стоило много хлопотъ добыть имъ вольныя. Наконецъ, въ 1850 году Филиппушка съ тремя сыновьями были приукажены, какъ послушники, къ Геосиманскому скиту.

И всѣ они жили въ ископанной ихъ трудами пещеркѣ. Всякая изъ этихъ пещеръ имѣла въ ширину и длину не болѣе сажени, печей въ нихъ не было, и зимой онѣ нагрѣвались отъ дыханія и свѣчей лампадъ, горѣвшихъ въ этихъ подземныхъ ихъ кельяхъ.

Филиппушка читать не умѣлъ. Архимандритъ Антоній не разъ убѣждалъ его учиться грамотѣ, но онъ на это отвѣчалъ уклончиво, что наукой заниматься ему поздно. Нѣкоторые предполагали, что онъ не желаетъ учиться грамотѣ для того, чтобы не подумали рукоположить его въ іеромонахи. Сыновья же его обучились грамотѣ, уже живя въ пещерахъ.

Тѣ послушники, которые ютились вмѣстѣ съ ними въ пещерахъ, предварительно должны были ископать сами себѣ пещерки: на иныхъ основаніяхъ Филиппушка народъ къ себѣ не принималъ. Вотъ, какъ образовалось при пещерахъ у Геосиманскаго скита небольшое братство.

Въ 1851 году митрополитъ Филаретъ освятилъ среднюю большую пещерную церковь во имя Михаила Архангела.

Часто Филиппушкѣ приходилось изъ своихъ пещеръ приходить въ лавру.

По дорогѣ въ лавру, а также на обширной площади предъ лаврой, у самыхъ воротъ, Филиппушку окружалъ народъ. Богомольцы много слышали про подвиги Филиппушки и любили рассказывать ему свои нужды и спрашивать у него совѣты.

Неизгладимое впечатлѣніе на встрѣчавшихся съ нимъ производилъ этотъ человѣкъ съ ярко выраженнымъ въ немъ русскимъ типомъ, съ длинной и широкой бородой, съ мягкимъ, добрымъ взглядомъ пронизательныхъ глазъ. Въ рукахъ у него обыкновенно бывалъ тудовый посохъ съ прикрѣпленнымъ наверху его литымъ мѣднымъ голубемъ. Съ этимъ посохомъ Филиппушка никогда не разставался, и онъ былъ однимъ изъ тѣхъ жестокихъ орудій, которыми Филиппушка усердно смирялъ свою плоть.

Любимымъ обращеніемъ Филиппушки ко всякому встрѣчавшемуся съ нимъ человѣку были слова: «съ ангеломъ, съ ангеломъ, съ Божіимъ вѣстникомъ».

Онъ любилъ толковать въ образныхъ выраженіяхъ о разныхъ духовныхъ предметахъ, о жизни и смерти, объ отвѣтѣ предъ Богомъ.

Однажды пріѣхали къ старцу изъ Петрограда люди свѣтскаго круга. Ласково принявъ ихъ, старецъ спросилъ:

— Вы въ пятницу и среду-то варите ли?— и улыбаясь, прибавилъ:— «среда горяча, а пятница еще горячѣе».

Посѣтители не поняли, о чемъ говорить старецъ, и тогда онъ прямо спросилъ ихъ, соблюдаютъ ли они постъ по средамъ и пятницамъ.

Тогда они отвѣчали, что не видятъ грѣха въ томъ, чтобы въ среду и пятницу ѣсть скоромное. Филиппушка далъ имъ спасительный совѣтъ хранить въ эти дни постъ изъ послушанія православной церкви.

Временами Филиппушка изъ своего уединенія уходилъ въ Москву и здѣсь, по странности своей одежды и поведенія, не разъ былъ подъ арестомъ. Все время за нимъ зорко слѣдилъ сочувствующій глазъ митрополита Филарета, и эта забота видна въ такихъ строкахъ митрополита:

«Спрашивалъ я крестовскаго протоіерея, не онъ ли, и какъ отправилъ въ тюрьму странника. Онъ сказалъ, что странникъ предъ всенощною явился въ церковь съ жезломъ, увѣшаннымъ лентами, и стоялъ въ углу, окруженный народомъ. На другой день странникъ опять пришелъ, сѣлъ на паперти, что-то ѣлъ и народъ опять окружилъ его. Отсюда взяли его въ частный домъ. Кажется, надобно посовѣтовать Филиппу удерживаться отъ такихъ поступковъ, которыми онъ какъ бы самъ себя выставлялъ на зрѣлище. Надобно терпѣть искушеніе, когда оно найдетъ, а не вводить самого себя въ искушеніе, и съ тѣмъ вмѣстѣ— другихъ, когда намъ заповѣдано молиться: «не введи насъ во искушеніе».

Нѣкоторой ласковой насмѣшливости къ постояннымъ столкновениямъ странника съ полиціей полны тѣ слова митрополита, въ которыхъ онъ предостерегаетъ Филиппушку отъ новыхъ исторій: «Филиппа Богъ благословить совершить путешествіе. Но поговорите ему, чтобы не домогался быть взятъ подъ арестъ. А, если это ему нравится, сказалъ бы онъ, и мы арестовали бы его съ любовью, а не съ гнѣвомъ, какъ полиція».

Народъ приставалъ къ Филиппушкѣ съ вопросами довольно пустыми, какъ къ какому-то гадалыцику. Такъ, деревенская баба его спрашиваетъ, какъ живутъ дома ея дѣти, которыхъ она не видала уже два мѣсяца. Другая, дама, спрашивала его рецептъ противъ своей постоянной болтовни.

Избѣгая такихъ пустыхъ совопросниковъ, Филиппушка тамъ, гдѣ отъ него ждали совѣта, обнаруживалъ несомнѣнный даръ прозорливости.

Какъ-то въ скитъ зашелъ восемнадцатилѣтній гимназистъ Леонидъ Гофманъ, сынъ очень извѣстнаго въ Москвѣ врача. Встрѣтившись съ этимъ юношей, Филиппушка произнесъ:

— Монахъ будешь, будешь монахъ.

По окончаніи курса этотъ гимназистъ, дѣйствительно, поступилъ въ скитъ и впоследствии былъ іеромонахомъ.

Крѣпкое здоровье Филиппушки постоянно подтачивала подвижническая жизнь, малопитательная постная пища, сырость и тяжелый воздухъ пещеръ, усилія, которыя онъ долженъ былъ употреблять для ношенія на себѣ веригъ и въ рукахъ тяжелаго посоха. Филиппушка часто началъ прихварывать, и это озабочивало митрополита Филарета, который, зная старца, давно былъ искренно къ нему расположенъ. Митрополитъ въ такихъ строкахъ писалъ о его недугѣ намѣстнику лавры Антонію: «рабу Филиппу и сопребывающимъ Божіе благословеніе призываю, а ему—облегченіе отъ болѣзни».

Архимандритъ Антоній присовѣтовалъ старцу принять монашество, на что Филиппушка съ радостью согласился.

Онъ почти умиралъ, когда надъ нимъ было совершено постриженіе. Имя ему было дано Филаретъ, въ честь его великаго благодѣтеля митрополита Филарета, котораго онъ всегда называлъ «бѣлымъ ангеломъ». Въ день своего пострига Филиппушка лежалъ въ своей пещерѣ. Онъ былъ недвижимъ. Глаза его были закрыты. Всѣ видѣли, что онъ умираетъ. Въ комнатѣ былъ полумракъ...

Сыновья Филиппушки стояли около него, плача, когда вошелъ архимандритъ Антоній и за нимъ—монахъ, несшій все нужное для совершенія обряда постриженія. Умирающій Филиппушка вдругъ открылъ глаза, совершенно внятно отвѣчалъ на всѣ вопросы, которые задаются при постриженіи, твердо прочелъ всѣ молитвы, и твердо произнесъ всѣ монашескіе обѣты. Когда обрядъ былъ совершенъ, онъ немедленно впалъ въ безпамятство.

Объ этомъ необыкновенномъ событіи Филиппушка—такъ продолжали звать его монаха, несмотря на новое монашеское его имя Филаретъ,—разсказывалъ слѣдующее:

«Въ ту самую минуту, когда входилъ въ пещеру для моего пострига отецъ Антоній, я ничего не помнилъ, а видѣлъ себя въ глубокомъ снѣжномъ сугробѣ. Сколько я ни старался выбраться изъ него, никакъ не могъ. Тутъ къ самому краю сугроба подошелъ отецъ намѣстникъ, протянулъ мнѣ руку и сталъ вытаскивать изъ сугроба. Когда я очнулся, то увидать предъ собою батюшку отца Антонія, который пришелъ меня постригать».

Съ тѣхъ поръ Филиппушка совершенно оставилъ юродство. Благословляя его на новую жизнь, митрополитъ Фила-

реть запретилъ ему ходить босымъ. На это запрещеніе старецъ добродушно отвѣтилъ:

— Владыко святой, обуваться-то я больно лѣнивъ.

Клеветники и завистники, бывшіе у Филиппушки въ немаломъ числѣ, особенно ополчились на него послѣ его достриженія. Одинъ изъ нихъ, дурно настроенный послушникъ, сталъ рассказывать отцу Антонію про Филиппушку разныя клеветы, и, между прочимъ, онъ говорилъ, что народъ, который во множествѣ стекается въ пещеры, нарушаетъ безмолвіе самихъ монаховъ пещерниковъ. Не безынтересно замѣтить, что этотъ клеветникъ скоро неожиданно умеръ; онъ по ошибкѣ принялъ отравленную лепешку, которая была его товарищемъ припасена съ мышьякомъ для мышей.

Братія скита во главѣ съ игуменомъ, въ свою очередь, не сочувствовала Филиппушкѣ и, сколько архимандритъ Антоній, намѣстникъ лавры, ни старался установить добрыя отношенія, — но скитскіе монахи и пещерники упорно просили его взять отъ нихъ отца Филарета.

Это, наконецъ, было сдѣлано. Намѣстникъ лавры посовѣтовалъ старцу покинуть пещеры и пока пріютиться въ лаврѣ, а тамъ онъ обѣщалъ ему въ окрестностяхъ лавры построить одинокую келью.

Филиппушкѣ, конечно, была дорога вырытая имъ пещера и всѣ эти завѣтныя мѣста. Онъ смиренно повиновался и ушелъ изъ пещеръ, уведя съ собою и сыновей.

Когда впослѣдствіи его спрашивали лица, не знакомыя съ этими обстоятельствами, зачѣмъ онъ ушелъ изъ пещеры, — онъ говорилъ иносказательно:

— Съ землею не ужился, разбранился.

Въ эту пору у отца Филарета возникло сильное желаніе сходить пѣшкомъ на богомолье въ Кіевъ, но ему препятствіемъ послужила сильная боль въ ногахъ, и онъ примирился съ неисполненіемъ своего завѣтнаго желанія.

Нѣсколько мѣсяцевъ Филиппушка провелъ въ лаврѣ. Постоянное оживленіе этого мѣста со значительнымъ притокомъ богомольцевъ претило душѣ его, жаждущей смолоду уединенія, и онъ мечталъ о болѣе пустынномъ мѣстѣ.

Недалеко отъ вырытой имъ пещеры, тамъ, гдѣ скитскій прудъ раздѣляется на два залива мысцомъ пригорка, было уютное мѣсто. На немъ рѣшилъ поселиться Филиппушка со своими сыновьями. По распоряженію архимандрита Антонія, намѣстника лавры, была выстроена небольшая келья на берегу пруда, у мостика, который былъ придѣланъ для пѣшиходовъ изъ пещеръ въ лавру.

Мѣстомъ моленія новыхъ поселенцевъ былъ чердакъ кельи. Тамъ они совершали свое обычное правило или церковную службу, вычитывали утреню, часы и вечерню. Впослѣдствіи былъ поставленъ новый деревянный сарай, въ одной половинѣ котораго была устроена часовня, а въ другой складывали дрова.

Почитатели Филиппушки и тутъ, на новомъ мѣстѣ, нашли его, и продолжали его посѣщать.

Одна изъ почитательницъ старца, московская купчиха Логинова, пожелала поставить на этомъ мѣстѣ каменную церковь, а до полученія разрѣшенія на постройку церкви была поставлена каменная часовня.

Митрополить Филареть не очень склонялся къ разрѣшенію церкви, такъ какъ полагалъ, что это вызоветъ взрывъ недоброжелательства къ Филиппушкѣ со стороны скита. Филиппушка не настаивалъ и не просилъ, предоставляя это дѣло всецѣло рѣшенію Божію. Наконецъ, само собою не безъ нѣкотораго необыкновеннаго совпаденія, случилось, что митрополить Филареть далъ разрѣшеніе на стройку храма.

Въ то время митрополить пребывалъ въ скиту. Былъ канунъ празднованія чудотворной иконы Богоматери Боголюбскія, а какъ разъ въ честь этой иконы старецъ и мечталъ строить храмъ.

Воспользовавшись пребываніемъ митрополита въ скитѣ, Филиппушка отправился къ нему просить разрѣшенія отправить у себя въ часовнѣ всенощную.

— А какой же завтра праздникъ?—спросилъ митрополить.

— Боголюбскія иконы,—отвѣчалъ старецъ.

— Какъ же это я забылъ? Развѣ мнѣ память измѣняетъ? Такъ пойте, пойте всенощную, я васъ благословляю.

И тутъ же, точно этотъ вопросъ подсказалъ ему какой-то внутренней голосъ, владыка прибавилъ:

— Въ чью честь хотѣлъ ты поставить храмъ?

— Если благословишь, владыко святой,—отвѣчалъ, кланяясь, Филиппушка—во имя Боголюбской иконы Богоматери.

Митрополить нѣсколько минутъ подумалъ, затѣмъ тихо прибавилъ:

— Начинай, благословляю.

Съ необыкновенною радостью, съ земнымъ поклономъ, Филиппушка благодарилъ митрополита и, ликуя, возвратился въ свою маленькую пустынь.

Храмъ былъ освященъ 21-го сентября 1859 года въ честь иконы Боголюбскія, и въ ту же осень былъ освященъ нижній

храмъ, посвященный преподобной Матронѣ и мученицѣ Капитолинѣ, которыхъ имена носили храмовоздательница и ея дочь.

Постепенно при церкви возникли кельи, и вотъ начало «Киновіи» или Боголюбивой пустыни. Впослѣдствіи въ Киновіи было заведено кладбище для лаврской братіи.

Когда новая пустынь получила твердое основаніе, всѣ три сына Филиппушки приняли монашество съ именами Прокопія, Галактіона и Лазаря. Старшій изъ братьевъ былъ постриженъ въ одинъ день со своею женою.

Когда въ 1855 году государь императоръ Александръ Николаевичъ посѣтилъ лавру и скитъ съ пещерами, онъ пожелалъ видѣть отца Филарета, и, увидѣвъ его одѣтымъ по монашески, сказалъ ему:

— Да ты уже теперь монахъ?

— Не знаю,—отвѣчалъ подвижникъ,—монахъ ли я, великій государь: хотѣлось бы монахомъ побыть хоть одинъ часокъ.

Сильно донимали отца Филарета постоянныя болѣзни. Руки у него ломило отъ тяжелаго посоха, отъ веригъ болѣла грудь, а сырость подземной кельи образовала постоянную водянку, и новое лучшее помѣщеніе не вернуло ему утраченныя въ подвигахъ силы.

Зимой 1863 года ему стало такъ плохо, что, въ предчувствіи близкой кончины, онъ принялъ схиму. Ему было возвращено прежнее имя Филиппъ. Благодать Божія поддерживала его, онъ выздоровѣлъ и долженъ былъ нести свой тяжкій крестъ, такъ какъ на него начались новыя гоненія.

Въ 1867 году прошелъ слухъ, что въ Киновіи дѣлаютъ фальшивые денежные знаки, и у него былъ произведенъ обыскъ, который, конечно, ничего не обнаружилъ. Митрополитъ ни одной минуты не повѣрилъ этой клеветѣ, но чувствовалъ, что Филиппу она послана, какъ новый крестъ.

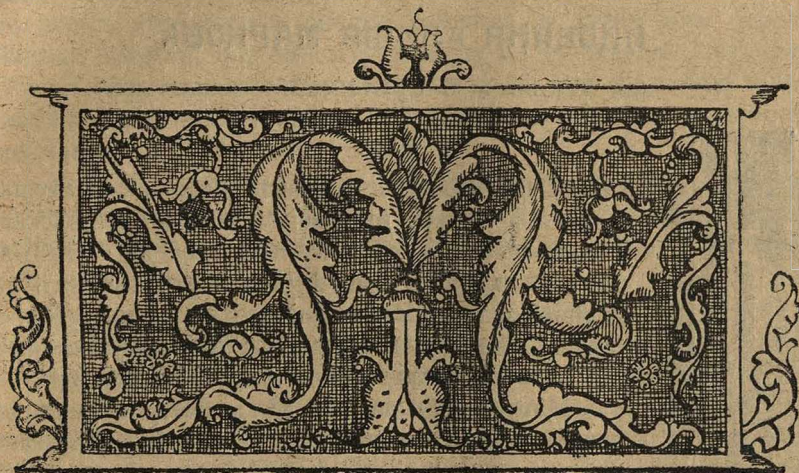
Тѣмъ не менѣе, чтобы разсѣять неблагопріятныя слухи, митрополитъ далъ совѣтъ старцу перейти на время въ какую-нибудь другую обитель.

Филиппушка съ сыновьями перешелъ въ Московскій Симоновскій монастырь, потомъ въ Тульскій Богородичный и, наконецъ, въ Введенскую пустынь у города Покрова, Владимірской губерніи. Здѣсь они были встрѣчены радушно, и имъ было отведено уединенное мѣсто на островѣ, гдѣ онъ думалъ основать скитокъ. Но не прожилъ тутъ и года и вернулся въ свою любезную Киновію.

Въ маѣ 1868 года Филиппушка смертельно заболѣлъ, и восемнадцатаго мая, подъ утро, приобщившись изъ рукъ своего

сына, іеромонаха Прокопія, Христовыхъ Тайнь, онъ въ полдень скончался на рукахъ сыновей.

Просторный храмъ Киновіи не вмѣстилъ и половины народа, собравшагося на погребеніе. Онъ погребенъ въ Киновійскомъ нижнемъ храмѣ за правымъ клиросомъ. На гробницѣ лежатъ вериги, которыя онъ носилъ при жизни.

ИНОКИНЯ АЛИПІЯ МАРКОВА

(старица Кашинскаго Срѣтенскаго монастыря).

НЕЗАБВЕННАЯ для всѣхъ знавшихъ ее, матушка Алипія родилась въ Тверской губ. Кашинскаго уѣзда, села Коя, деревни Колачево въ 1805 году 25-го октября. Отецъ ея былъ крестьянинъ деревни Колачево Василій Марковъ, а мать Евфросинія Самойловна. При рожденіи матушка Алипія названа была Анною (пр. 9-го декабря).

Матушкѣ было семь лѣтъ, когда въ ихъ деревню приходили неспріатели, она помнила, какъ всѣ укрывались отъ нихъ. Когда ей было девять лѣтъ, то отецъ ея, бывший крѣпостной крестьянинъ помѣщика Николая Ивановича Пономарева, былъ отпущенъ своими господами по оброку въ Петербургъ. Онъ былъ музыкантъ и отличный мастеръ лѣсной работы: бралъ хорошіе подряды, вызывалъ къ себѣ жену въ Петербургъ; но жена не хотѣла разстаться съ деревенскою жизнью, къ которой такъ привыкла, боялась Петербурга и не поѣхала! Года черезъ четыре Евфросинія Самойловна получила извѣстіе, что мужъ ея пропалъ безъ вѣсти; впоследствии времени его видѣли на Валаамѣ монахомъ.

У него въ деревнѣ Колачевѣ оставался родной братъ Павелъ, который былъ женатъ два раза и имѣлъ многочисленное семейство. Онъ былъ барскій садовникъ; въ его-то домѣ и жила сноха Евфросинія Самойловна, жена пропавшаго Василія съ тремя дѣтьми, такъ какъ у нея, кромѣ Анны Васильевны, еще были два сына, Иванъ и Григорій.

Евфросинія Самойловна воспитывала своихъ дѣтей въ страхъ Божіемъ, ибо сама была очень богобоязливая, сострадательная и умная женщина. Единственная у нея была отрада

ходить въ храмъ Божій, гдѣ она всегда становилась передъ чудотворной иконой Царицы Небесной Казанской, и молилась со слезами вслухъ, иногда въ простотѣ сердца отъ избытка чувствъ говоря: «Милостивая Матушка, неушто я къ Тебѣ по второму звону пришла бы, кабы я не стряпуха была! Ненаглядная Ты моя банточница, ленточница, кисточница, Матушка! (На иконѣ были украшенія изъ бантовъ, лентъ и кистей золотыхъ)». Евфросинія Самойловна деверю и снохѣ во всемъ угождала и рабски служила, а дѣтей ихъ берегла больше своихъ; она никого никогда не осуждала. Аннѣ дядя Павелъ былъ крестный отецъ, котораго она до конца жизни любила сердечно и уважала, и всегда и въ обители съ любовью молилась о упокоеніи его души.

У дяди Павла въ домѣ бѣдность была ужасная. Несмотря на это, Евфросинія Самойловна никогда не роптала, усердно молилась Богу, сердечно любила господъ своихъ, называла ихъ: «отцы наши батюшки».

Анна отъ колыбели испытала скорби, неразлучныя съ убожествомъ. Избранная съ дѣтства быть сосудомъ молитвы къ Богу, юная Анна въ труженической жизни своей почерпала уроки: терпѣнія, трудолюбія и совершеннаго презрѣнія къ земнымъ благамъ. И это-то презрѣніе ко всему вещественному было въ послѣдствіи отличительною чертою ея характера. Она до смерти искала одного: молиться и молилась безпрепятственно до послѣдняго вздоха. Сердце ея, обѣщавшее быть храмомъ Святаго Духа, отъ младенчества горѣло любовію къ Богу—Утѣшителю, и еще въ отроческихъ лѣтахъ сподобилась она видимо благодатныхъ Божіихъ дарованій.

Когда ей было тринадцать лѣтъ, она какъ-то, по неосторожности, перелѣзая черезъ заборъ лѣтомъ, обѣими босыми ногами наступила на лезвіе косы и перерѣзала себѣ обѣ подошвы ногъ, такъ что ее домой свезли на лошади, сама она не могла ступить. Господскій лѣкарь нѣмецъ, услыхавъ объ этомъ происшествіи, съ примочкой пришелъ полѣчить ее. Въ рабочее время все семейство уходило на работы барскія и свои, и цѣлый день Анна лежала одна на дворѣ на соломѣ, гдѣ на ночь становилась скотина, такъ какъ въ домѣ была ужасная жара. Если бы не благодатная помощь Божія и Святыхъ Его, ноги у Анны должны были бы сгнить, какъ она сама часто рассказывала про это неизреченное къ ней милосердіе Божіе, говоря:

«Я чувствовала сильный жаръ во всемъ тѣлѣ и часто впадала въ забытѣе. И мнѣ видѣлось, что приходили ко мнѣ двѣ красивыя дѣвушки—я думала, что онѣ съ барскаго двора.

Одна назвалась Варварой, другая Екаѳериной. Онѣ принесли мнѣ буквы, написанныя на большомъ листѣ, учили меня азбукѣ, и скоро я научилась у нихъ читать; потомъ онѣ принесли мнѣ ноты и учили меня по нотамъ пѣть, когда ноги мои горѣли, какъ въ огнѣ, онѣ мочили мнѣ ихъ водой. Послѣ уборки хлѣба ноги мои зажили, и я стала ходить свободно, и рассказала дядѣ Павлу, что дѣвушки Варвара и Екатерина научили меня читать. Оказалось, что на барскомъ дворѣ ихъ никогда не было, и въ жизни своей я ихъ болѣе не встрѣчала. Села Коя священникъ, благочинный, отецъ Θεодоръ, не имѣвшій дѣтей, зналъ, что у насъ въ домѣ никакихъ книгъ нѣтъ, бѣдность была страшная, — даже заборы были соломенные. Батюшка обратилъ милостивое свое вниманіе на меня и взялся выучить меня хорошенько читать и писать, сходилъ къ господамъ и все рассказалъ имъ, — говорила матушка Алипія. — Впослѣдствіи онъ былъ моимъ учителемъ и руководителемъ на пути ко спасенію, до самой кончины».

Когда было Аннѣ Васильевнѣ пятнадцать лѣтъ, то она прекрасно знала русскую грамматику и свободно, четко, со смысломъ читала по славянски. Отъ природы она имѣла хорошія способности и училась охотно и легко, занималась немного живописью и охотно читала Четы-Минеи, книги Ефрема Сирина, св. Димитрія Ростовскаго и др.

Помѣщикъ Коя, Николай Ивановичъ Пономаревъ, женился на дочери генерала, Надеждѣ Антоновнѣ. Они передѣляли церковь свою заново и устроили хоръ пѣвчихъ дѣвушекъ, и поручили Аннѣ Васильевнѣ, которую очень любили, учить большихъ и маленькихъ дѣвочекъ. Даже берейторъ, наѣздникъ англичанинъ, и два лакея выучились у нея русской грамотѣ. Изъ числа ея ученицъ одна была въ Рыбинскѣ, въ дѣвичьемъ монастырѣ казначею — матушка Таисія.

Въ церкви Анна Васильевна стояла на клиросѣ, читала часы и Апостоль. Ей поручили господа чистить церковные подсвѣчники и ланикадило и смотрѣть за ризницей. Она часто ходила на барскій дворъ и дружилась съ экономкиной дочерью, которая впослѣдствіи ушла въ Ярославскій монастырь. На барскомъ дворѣ ей сшили черный шугай съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ, на подобіе рясы харьковскихъ монашенокъ, и она на головѣ носила черный гарнитуровый платокъ, который ей подарили ея ученицы. Въ этомъ нарядѣ она являлась въ церковь, дома же не любила хорошо одѣваться, за что родные били ее иногда.

Домашняя жизнь ихъ измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ Анна Васильевна завела школу, впрочемъ, она сама не распо-

ряжалась ни въ чемъ. Отецъ крестный и мать ея, какъ хотѣли, такъ и вели дѣла: что отнимуть, что дадутъ—за все она была имъ благодарна и послушна. За кротость нрава и, вмѣстѣ съ тѣмъ — за высокую разсудительность, какую она являла въ юномъ возрастѣ, она была не только любима, но и всѣ уважали ее и обращались къ ней за совѣтомъ. Слова ея отличались необыкновенной простотой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и силою разсужденія.

Какой то крестьянинъ, Андрианъ, смутилъ ее, рассказывая что-то неподобное о Св. Троицѣ; она горячо молилась, чтобы Господь ей открылъ объ этомъ. И дѣйствительно, Господь по милосердію Своему сподобилъ ее, какъ она сама рассказывала, неизреченнаго видѣнія, въ которомъ она ясно увидѣла Св. Троицу и удостоилась чудеснаго неизреченнаго озаренія свыше. У нея до конца жизни сохранилось радостное, неизъяснимо живѣйшее воспоминаніе, хотя объяснить и высказать она не была въ состояніи объ этомъ опредѣленно. Съ этой поры запало ей въ душу желаніе чего-то не земного, и она уже ничѣмъ мірскимъ не прельщалась, уходила въ ближайшій лѣсъ или къ овцамъ, и тамъ, въ свободное отъ уроковъ время, упражнялась въ богомыслии и молитвѣ.

Со дня на день возгоралась въ молодой Аннѣ Васильевнѣ жажда божественнаго; поэтому ей очень захотѣлось сходить на богомолье въ Кіевъ. Она выпросила у господъ своихъ паспортъ. Добрые господа, Николай Ивановичъ и Надежда Антоновна, дали ей денегъ на дорогу, и ея родные благословили ее на это доброе дѣло. И вотъ, въ сопровожденіи старой деревенской дѣвицы, Анна Васильевна отправилась пѣшкомъ въ Кіевъ, чтобы поклониться свв. угодникамъ, тамъ нетлѣнно почивающимъ.

Неизъяснима была та радость, которую она ощутила при входѣ во врата св. лавры и во все время пребыванія тамъ. Возвратясь домой, Анна Васильевна только и думала, какъ бы ей поступить въ дѣвичій монастырь, чтобы никто ей не мѣшалъ тамъ молиться. И вотъ, когда ей исполнилось двадцать пять лѣтъ, родные ея, видя въ ней давно уже избранницу Божию и ходатайницу за себя передъ Богомъ, благословили ее проситься въ Кашинскій Срѣтенскій дѣвичій монастырь у господъ. Тогда Анна Васильевна стала просить господъ своихъ уволить ее въ монастырь.

Николай Ивановичъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ.

— Молись дома,—говорилъ онъ.—Мы и домикъ при церкви поставимъ, у тебя будетъ свой монастырь. Я лучше дамъ тебѣ денегъ, съѣзди въ Старый Іерусалимъ, тамъ постригись и живи

у насъ при церкви, а въ монастырь не пушу; ты намъ дома очень нужна.

Но Анна Васильевна всѣми мѣрами желала избавиться отъ суетной жизни и почета; поэтому неотступно, со слезами, умоляла господь отпустить ее въ монастырь. Добрѣйшая барыня, Надежда Антоновна, уговорила мужа дать вольную Аннѣ Васильевнѣ и отпустить ее. «Молись тамъ за насъ,—сказали они ей, отпуская ее.—Вотъ, тебѣ и на келейку триста рублей ассигнаціями». Со слезами и сердечнымъ сокрушеніемъ всѣ проводили Анну Васильевну въ монастырь.

Въ это время управляла Кашинскимъ Срѣтенскимъ монастыремъ добрѣйшая матушка-игуменія, Назарета Петровна Давыдова. Она приняла Анну Васильевну въ монастырь съ любовью и дала ей послушаніе читать въ церкви. Впослѣдствіи игуменія полюбила сердечно Анну Васильевну за ея подвижническую жизнь и звала ее къ себѣ жить. Благодаря добрымъ наставленіямъ койскаго священника, отца Феодора, Аннѣ Васильевнѣ не пришлось раздумывать, какъ начать подвигъ монастырской жизни: она давно себя приучила къ воздержанію, трудолюбію, бдѣнію, молитвѣ и послушанію. Начальницѣ она повиновалась, какъ Самому Богу, старалась никого не оскорбить и не осудить. Да и некогда было ей смотрѣть за поступками другихъ. Она только знала себя; презирая тѣлесный покой, переписывала книги, занималась живописью и еще ходила въ келью къ больной матери-игуменіи вычитывать всѣ службы и правила съ сердечнымъ усердіемъ. Но чтобы перейти жить въ игуменскую келью—боялась многолюдства, разсѣянности, боялась отвлечься отъ молитвъ, которымъ она хотѣла посвящать каждую минуту.

Строгая жизнь ея и ревность къ послушанію не укрылись отъ вниманія большой подвижницы, Антоніи Павловны Мезенцовой, бывшей тогда еще въ рясофорѣ и жившей очень уединенно (впослѣдствіи кашинской игуменіи). Она уговорила Анну Васильевну идти къ ней жить въ келью. Четырнадцать лѣтъ игуменствовала добрѣйшая Назарета Петровна и послѣ ушла на покой. На ея мѣсто прислали строгую игуменію Серафиму, изъ Твери, но и та была очень милостива къ Аннѣ Васильевнѣ, довѣряла ей получать деньги съ почты и заставляла ее писать письма и рапорты. Серафима недолго игуменствовала; на ея мѣсто выбрали высокочтимую Антонію Павловну Мезенцову, которая постригла Анну Васильевну въ рясофорѣ, давъ ей имя въ честь Алипія Печерскаго. Впослѣдствіи игуменія предлагала ей постричься въ мантию, но матушка Алипія по смиренію свсему отказалась, считая себя недостойною. Матушку Алипію

начали посылать за сборомъ, а въ ея отсутствіе давали ея келію другимъ, такъ что въ непродолжительномъ времени она перемѣняла въ 17 келіяхъ.

Такая жизнь ей была не по духу. Она впала въ уныніе, думая, что ей здѣсь невозможно спастись, хотѣла перейти въ другой монастырь. Тутъ пришла ей мысль посоветоваться со старцемъ священникомъ, отцомъ Петромъ, жившимъ въ Угличѣ на покоѣ, въ Іерусалимской слободѣ, тѣмъ болѣе, что и матушка игуменія Антонія все дѣлала съ его совѣта. Койскій священникъ, отецъ Феодоръ, благодетель матушки Алипіи, давно скончался. Когда матушку Алипію послали за сборомъ, она зашла къ отцу Петру просить его благословенія уйти въ другую обитель. При этой просьбѣ о. Петръ погрозилъ на нее кулакомъ, говоря: «на что, на что, сиди крѣпче дома, дѣлай, какъ я, да вычитывай все—такъ и здѣсь хорошо будетъ. Солнышко твое въ Кашинѣ зайдетъ». При этомъ далъ ей большую просфору и велѣлъ ей юродствовать.

Въ это время матушку Алипію перевели въ новый каменный корпусъ въ подвальный этажъ, гдѣ она 14 лѣтъ, нетопивши печь, прожила. Она по прежнему молилась и читала, но въ разговорѣ съ людьми старалась показать себя помѣшанною: нарочно говорила несвязныя рѣчи, вслѣдствіе чего ее освободили отъ сбора, и она съ большею ревностью принялась за молитвенные подвиги, по мѣрѣ которыхъ, при Божіей помощи, она преуспѣвала въ совершенствѣ духовномъ и удостаивалась по временамъ благодатныхъ осѣненій, о чемъ сама рассказывала, что много разъ Сама Царица Небесная приходила помогать ей и утѣшала ее въ скорбяхъ. Господь ей открылъ о кончинѣ матушки игуменіи Антоніи Мезенцовой. Въ 1875 году, 25-го іюля (повѣствуетъ жизнеописательница м. Алипіи), я во второй разъ пріѣхала въ Кашинскій Срѣтенскій дѣвичій монастырь и, по Промыслу Божію, за неимѣніемъ средствъ купить себѣ келью, съ благословенія матушки игуменіи Иннокентіи—я наняла себѣ келью у инокини Павлы. Ея келья какъ разъ была надъ той кельей, гдѣ жила матушка Алипія, въ подвальномъ этажѣ, въ каменномъ корпусѣ.

Келья матушки Алипіи была похожа на пещеру: единственное окно и то заставлено было двумя иконами: благословляющаго Спасителя и Царицы Небесной, изображенной съ семью стрѣлами въ груди, написанной ею самой. У матушки Алипіи ничего не было въ кельѣ, голыя стѣны, небольшой столъ, на которомъ лежали евангеліе и слѣдованная псалтирь; широкая скамья безъ всякаго покрова, охапка дровъ сосновыхъ въ изголовьи, и это была ея постель для успокоенія. Деревянная чашка и жестяная кружка: вотъ—все, что въ теченіе столькихъ

лѣтъ удовлетворяло всеѣмъ ея потребностямъ. Обѣдать она приходила въ трапезу по окончаніи второй общей монастырской трапезы.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ, отъ стоянія на молитвѣ не разуваясь, у матушки Алипіи на ногахъ срослись ногти одинъ съ другимъ кольцами; боль въ ногахъ была ужасная, какъ она сама намъ говорила: «Я думала—крысы забрались въ сапоги ко мнѣ и грызутъ мои ноги». Отъ большого поста, молитвы и поклоновъ у матушки Алипіи сдѣлался параличъ мочевого пузыря, несмотря на все это матушка Алипія благодушно продолжала свои подвиги и не позволяла успокаивать ее.

Уединеніе и безмолвіе были ея потребностью, и что могло ее отвлекать отъ любви Божіей! Взыскавъ отъ юности единого на потребу, ни къ чему земному не прилагала она сердца. Никогда не искала она чести, была чужда наималѣйшаго пристрастія къ вещамъ. Часто она изумляла нѣкоторыхъ своею прозорливостью и мѣткостью своихъ замѣчаній, которыя какъ разъ соотвѣтствовали внутреннему состоянію спрашивающихъ, приходящихъ къ ней за наставленіями. Характеръ она имѣла пріятливый и кроткій, который, впрочемъ, она покрывала юродствомъ.

Всегда ходила въ ватникъ или заячьей шубкѣ, на головѣ носила остроконечную шапочку съ опушкой, на плечи надѣвала большой черный платокъ, въ рукахъ носила сосновый колъ и жестяную кружку; коломъ иногда махала и стучала.

Она никого не пускала къ себѣ въ келью, а многимъ хотѣлось ея наставленій; поэтому добрая монахиня Анатолія Запѣнина брала ее къ себѣ чай пить. Другія монахини давали ей одежду, если видѣли, что ея одежда очень износилась, брали ее къ себѣ въ гости, и у нихъ собирались желающіе слышать ея предсказанія. Силы матушки Алипіи стали значительно ослабѣвать, и она тяготилась ходить далеко отъ своей кельи, въ трапезу и къ монахинямъ. Поэтому стала меня посѣщать ежедневно, обращалась со мною какъ бы съ своею ученицею: спрашивала, какъ я молюсь, читаю и, вообще, провожу время; давала мнѣ наставленія, посылала меня въ трапезу принести ей кушанье и всегда обращалась ко мнѣ съ просьбою, что ей требовалось. Я считала за величайшее счастье послужить ей.

Сестра матушки игуменіи, матушка Феодосія Ошанина, по любвеобилію своему къ ближнимъ принимала большое участіе во мнѣ, она сердечно любила матушку Алипію и въ затруднительныхъ обстоятельствахъ прибѣгала къ ней за совѣтомъ. Матушка Алипія ее тоже очень любила и уважала, и ея сестру, матушку игуменію Иннокентію уважала за ея миролюбивый характеръ. «Мы ее, — говоритъ она, — выпросили у Самой Царицы

Небесной въ игуменіи—ей худой нельзя бы быть; а у ней разбору нѣтъ: «и кисло и прѣсно кладеть въ одно мѣсто».

Матушка Θεодосія замѣтила, что ослабѣвшія силы матушки Алипія требовали болѣе удобной жизни; поэтому она на свой счетъ поправила ей ея прежнюю деревянную старую келью. Когда же келья была устроена, то матушку Алипію спросили, кого она желаетъ взять къ себѣ прислуживать ей, такъ какъ въ монастырѣ были ея двѣ племянницы послушницами. Но не здоровые, а болящіе требуютъ врача, поэтому матушка Алипія взяла меня недостойную ей послужить. Полтора года она ходила ко мнѣ почти каждый день и привыкла ко мнѣ, какъ къ своей, и я полюбила ее, какъ мать родную. За особый даръ Божій сочла я позволеніе ея послужить ей и успокоить ея старость, при Божіей помощи.

«Приучайся все дѣлать сама,—говорила мнѣ матушка Алипія,—молодыхъ надо озабочивать, чтобы некогда было пустяками заниматься: поэтому у тебя будетъ пятеро дѣтей: всякъ Тарасъ, кто во что гораздъ, такъ едва ножки будешь передвигать. Не сердись, людей не обижай, всѣ въ царство небесное идутъ, кто въ 30, кто въ 60, а кто и въ 80 лѣтъ. Зеленъ виноградъ не вкусенъ, молодъ человекъ не искусенъ. Коли Господь все терпитъ, а намъ тѣмъ болѣе надо прощать, терпѣть, надо помнить, что за спасеніемъ сюда пришли; надо, чтобы одна простота въ душѣ была. Богъ дорожить неосужденіемъ. Безъ труда нѣтъ спасенія. Отъ блудника ли, разбойника или вора Господь отведетъ—только молись и ихъ не осуждай. Отдала сердце Богу въ закладъ, не бери его назадъ. Кто себя за человекъ не считаетъ, того Господь прощаетъ. Благодарствуй, въ Бога вѣруй, добро дѣлай и полно, больше съ тебя Царица Небесная не потребуетъ. Надо помолиться и поступиться, всего Богъ посылаетъ, можно въ чувство придти, Бога благодарить. Кто Бога любитъ, тотъ и чужихъ, какъ своихъ любить. Ничего бы не надо, только Богу молиться. Всѣмъ жертвуй для Бога: спокойствіемъ и здравіемъ, и все терпи для Него, а злое благимъ побѣждай. Добрыя дѣла трудомъ снискиваются и болѣзнію исправляются. Аще обрящещи кротость, обрящешь и мудрость. Знайте, что худо, что добро; приходите въ церковь—не оглядывайтесь, молитесь: «батюшка архангелъ Михаилъ, тебѣ себя препоручаю. Пресвятая Богородица, сохрани меня подъ кровомъ Твоимъ! Господи, не остави меня!»

Самъ себѣ человекъ честь доставляетъ, если добро дѣлаетъ. Подъ бѣлымъ камнемъ, бѣлымъ Царемъ богатство обрѣтено будетъ, и вся Россія обогатится, нищихъ не будетъ».

Матушка Алипія глубоко понимала самыя высокія таин-

ства, наученная не школьными науками, а непрерывной молитвой и созерцаніемъ Бога.

— Бѣдняга душенька, что маяты то потерпѣла,—говорила она мнѣ,—идольскіе наставники были, отцу-то не нужна, и матери также. Кто у васъ отецъ?—спросила она меня.

Я назвала отца по имени.

Не сказывай, не сказывай, это не отецъ, а приставень; у тебя отецъ монахъ Θεодоръ. Мое житье слезами, а твое кровью надо писать. Что бережно, то не должно. Здоровье даръ Божій, имъ надо дорожить, а ты не дорожишь.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ мы перешли на новую жизнь: матушка Алипія въ ея бывшую деревянную келейку, передѣланную матушкой Θεодосіей, а я помѣстилась черезъ сѣни отъ нея, въ старенькую, оставленную за ветхостью сборщицами келейку, которую я обила тескомъ внутри для тепла. Матушка Алипія просила меня, чтобы я взяла къ себѣ ея племянницу Александру Суханову, которая жила въ кельѣ у монахинь послушницей. Съ благословенія матушки игуменіи — я тотчасъ же ея желаніе исполнила. Потомъ, по благословенію матушки Алипіи, взяты были двѣ дѣвочки ко мнѣ изъ деревни Борисова: Евдокія и Наталія, двоюродныя межъ собой; за Евдокією матушка Алипія нарочно послала. Одна была 12 лѣтъ, другая 6 лѣтъ; и кромѣ этого, по благословенію матушки Алипіи, три Анны, городскія дѣвочки, ходили ко мнѣ учиться, и юродивая старушка, Екатерина Васильевна Виноградова, у меня жила.

Всечестнѣйшій отецъ архимандритъ Исаія, настоятель Новгородскаго Юрьевского монастыря, по моей покорнѣйшей просьбѣ и желанію моего отца, взялъ его жить въ свою обитель, а я взяла Екатерину Васильевну Виноградову, которую никто не держалъ, потому что она дралась и рвала вещи свои и чужія. 12 лѣтъ я при Божіей помощи ухаживала за ней, чему свидѣтели всѣ въ нашей обители.

Въ это время намъ пришлось жить въ большой тѣснотѣ; вотъ и пятеро дѣтей, которыхъ послалъ мнѣ Господь.

По неизреченнымъ судьбамъ Божиимъ, слава о прозорливости матушки Алипіи распространилась далеко. Ежедневно къ намъ стекался народъ разнаго званія и состоянія со всѣхъ сторонъ. Любя безмолвіе и скучая посѣтителеми, матушка Алипія стала жить, какъ бы въ затворѣ. Разъ въ сутки, въ часъ полудни, она отворяла только ко мнѣ дверь; а послѣ, если слышала голоса другихъ, то никакъ не хотѣла никого къ себѣ пускать и даже отвѣчать. Въ это время я приносила ей обѣдъ и большую чашку чая, которымъ она голову мочила и рѣдко его пила. Все приносимое ей она раздѣляла на три части: одну

часть давала мнѣ, для отдачи бѣднымъ, другую клала въ большой мѣдный тазъ для птицъ и мышей, а третью оставляла себѣ. Когда приходили желающіе слышать ея наставленія, становились у ея двери, гдѣ хорошо слышны были ея слова, и спрашивали черезъ меня, что желали, у матушки Алипіи.

Голосъ у нея былъ очень звучный, сильный, и она всегда отвѣчала на вопросы громко, стараясь всѣхъ успокоить и дать добрый совѣтъ.

— Турки придутъ въ Кашинь,—говорила матушка Алипія.

— Какъ же это случится? Война, что ли, будетъ?—спрашивали у меня.

— Никакой войны не будетъ у насъ въ Кашинѣ, — отвѣчала матушка Алипія,—привезутъ турокъ, напоятъ и накормятъ, обуютъ и одѣнутъ и въ свою сторону отправятъ ихъ опять!

Такъ и случилось все, что говорила матушка Алипія, въ свое время.

Имѣя отъ Бога даръ прозорливости, матушка Алипія извѣдывала иногда всю глубину испорченнаго человѣческаго сердца, и это не возмущало ея чистаго и смиреннаго сердца, охраняемаго благодатію, а только сокрушало ее часто до изнеможенія. Никакого грѣха она не приписывала злобѣ человѣческой и намѣренію согрѣшить, а все это приписывала врагу спасенія нашего—дѣволу.

«Батюшка мой, Царица Небесная,—говорила она,—не отступись Ты отъ насъ. Ты мнѣ грѣшниковъ-то, Батюшка мой, спаси, а праведники-то къ Тебѣ сами лѣзomъ лѣзутъ. Бѣдняги душеньки по невѣдѣнію такъ дѣлаютъ: учителей хорошихъ не было, а то бы можетъ лучше всѣхъ были. Надо Господа просить—Ему вся суть возможна».

Рѣдко кого она рѣзко обличала, развѣ доведенная неправдою, жестокосердіемъ и злобою людскою. Тогда ужъ не глядѣла ни на какую личность и не щадила ни сана, ни званія, а отвѣчала, какъ рабу, оскорбляющему величіе Божіе. Но какъ только замѣчала раскаяніе, она опять измѣнялась: дѣбалась доброй по прежнему, простой и смирной, и вся была любовь, готовая положить душу свою за ближняго.

По благословенію схимника, отца Александра, батюшка отецъ Θεодоръ Гофманъ, монахъ, а впослѣдствіи іеромонахъ Троице-Сергіевой лавры, подготовлялъ меня грѣшную къ монастырской жизни; впослѣдствіи со мною переписывался, но объ житейскихъ дѣлахъ совсѣмъ не имѣлъ понятія, что выводило меня, грѣшную, изъ терпѣнія, и дѣлалъ мнѣ наставленія, и много насмѣшекъ терпѣлъ, и обидѣ, и клеветѣ отъ благочин-

наго; все это огорчало меня до глубины души, поэтому я рѣшилась просить матушку Алипію, чтобы она позволила мнѣ не беспокоить болѣе батюшку отца Θεодора и благословила мнѣ, въ случаѣ какихъ недоразумѣній, относиться къ другому, отцу Аполлинарію, но матушка сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, это не ладно будетъ.

Я сказала ей: «вотъ вы, дорогая матушка, назвали батюшку, отца Θεодора, истиннымъ моимъ отцомъ, а онъ часто тяготится мною, мнѣ это очень больно, онъ, точно маленькій, судить какъ-то необыкновенно, что его тяготитъ!»

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказала матушка Алипія,—я дѣло знаю. Господь велѣлъ быть младенцами, отецъ Θεодоръ истинный монахъ и твой отецъ о Господѣ и благодѣтель; онъ выходилъ тебя изъ земли: если бы не его молитвы и попеченіе о тебѣ, въ преисподней была бы твоя душа. До конца жизни люби, уважай и совѣтуйся со своимъ отцомъ и благодѣтелемъ твоимъ, помни это. Я сама,—сказала матушка,—его сердечно уважаю за благочестіе, смиреніе и добродѣтель. Потерпи, если что придется отъ него, у всякаго человѣка своего рода слабости и недостатки—что дѣлать! Не обижайся и не слушай, что говорятъ: пусть люди его называютъ безхарактернымъ; а что высоко у людей, то мерзость передъ Богомъ. Въ простомъ сердцѣ Богъ живетъ. Смираннымъ только дается благодать отъ Бога, онъ не стыдится признавать своихъ недостатковъ, не вѣритъ своимъ чувствамъ и своему разсужденію, а укоряетъ самъ себя, и незлобивый, какъ дитя. При Божіей помощи онъ понуждаетъ себя ко всякой добродѣтели; приказываетъ и тебѣ стараться всегда призывать имя Божіе. Отецъ Θεодоръ часто бываетъ плѣняемъ любовію къ Богу,—сказала мнѣ матушка.—Теперь ты окружена вниманіемъ, попеченіемъ и ласками добрыхъ твоихъ наставниковъ, благотворителей и друзей; а вотъ, дѣйствительно, придетъ время, когда всѣхъ ты схоронишь и останешься одна. Тогда слезы крупныя у тебя польются, и тяжело тебѣ покажется на свѣтѣ жить.—Уважай же ты отца Θεодора Гофмана.

Никакихъ насѣкомыхъ матушка Алипія никогда не убивала; много разъ мухи ей лицо около глазъ до крови лѣтомъ разѣдали, она терпитъ и не отгонитъ ихъ; и мнѣ запрещала, говоря: «Зачѣмъ сгоняешь, бѣдняги душеньки, пускай попытаются, благо не брезгаютъ».

Печку она позволяла мнѣ у нея протапливать, только трубы не приказывала закрывать. На деревянную кровать ея мы вдвое сложили ватное одѣяло и покрыли его кожей, которую жена кожевеннаго сапожника Потапенкова ей прислала, и по-

душку мы ей сдѣлали, обшили такой же кожей (изъ которой шьютъ рукавицы); все это мы едва уговорили ее дозволить намъ положить. Несмотря на ея слабое здорье, она никакъ не дозволяла ее успокоить, какъ бы слѣдовало, и ревностно продолжала свой подвигъ. Безъ помощи и благодати Божіей никакой человѣкъ, конечно, не въ силахъ бы исполнить того, что она исполняла.

Въ кельѣ, гдѣ она помѣщалась, въ перегородкѣ устроена была небольшая дверка (или, вѣрнѣе, окошечко)—одна голова проходила; въ это окошко намъ видно было, что она дѣлала. Она вставала въ полночь и до самаго разсвѣта клала земные поклоны съ Іисусовой и Богородичной молитвой, потомъ ежедневно прочитывала весь псалтирь, три главы изъ Евангелія и Апостоль, часы, обѣдницу, вечерню съ правиломъ, заутреню съ дневнымъ канонемъ, и читала въ промежуткахъ непрестанно слѣдующую молитву: «О, Владыко человѣколюбче, Господи, Отець, Сынъ и Святой Духъ, Троице Святая! Благодарю Тебя за великія Твои благодѣянія и многое терпѣніе. Аще не Ты, Господи, и не Твоя благодать покрыла меня грѣшную по вся дни и нощи въ часы согрѣшающую, то уже погибла окаянная, аки прахъ передъ лицомъ вѣтра, за всѣ свои преестественные грѣхи, иже бо не престаю и не пребуду часа того, въ ниже что не согрѣшихъ. А, егда восхотѣхъ прити ко отцу духовному на покаяніе: отча лица стыдихся и грѣси таихъ, а иныя забыхъ, не могохъ исповѣдати срама ради множества грѣховъ, но Ты, Господь, свѣдый тайная сердца моего, прости и просвѣти мою грѣшную душу, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ, аминь».

А лѣтомъ, когда дни большіе, прочитывала тропари за весь годъ ежедневно праздникамъ и святымъ; читала четьи—минеи или цвѣтникъ духовный святителя Тихона Задонскаго, молитвы утреннія и на сонъ грядущій всегда читала и ложилась въ 9 часовъ, но мало спала, а, лежа, все по четкамъ молилась. Носила на себѣ ветхій коленкоровый подрясникъ и сверху одѣвала большой теплый платокъ, на голову ничего не одѣвала, ходила босая въ кельѣ, а больюеш частью — въ теплыхъ сапогахъ; пріобщаться надѣвала апостольникъ на голову и шапочку съ опушкой. Въ церковь не ходила по болѣзни (у нея былъ параличъ мочевого пузыря) и все говорила, что за грѣхи свои лишилась храма Божія.

«Что значить моя молитва?—говорила она,—слабый стонъ, въ церкви молитвы, какъ звонъ вселенной!» Келейка и здѣсь была у нея въ одно окошко, которое было почти на землѣ. Она не позволяла всегда теплиться лампадкѣ: «на что мнѣ свѣтъ чувственный, — говорила она,—Владычица—свѣтъ очей

души моей!» Матушка Алипія сама, какъ неугасимая лампада, стояла на молитвѣ.

Денегъ она никогда не имѣла; если по неотступной просьбѣ приходящихъ къ ней и принимала что, то отдавала мнѣ, приказывала ставить въ церкви свѣчи или отдать бѣднымъ, всегда приходящимъ къ ней. Дорогія вещи для нея не имѣли никакой цѣны. Кромѣ самаго необходимаго ей, она считала все прочее соромъ, который спѣшила выкинуть за порогъ своей кельи.

Матушку Алипію любила угличская настоятельница Богоявленскаго дѣвичьяго монастыря игуменія Измарагда, и матушка уважала ее, говоря ей: «въ одно число съ моей маменькой Евфросиніей Самойловой имянинницей бываете, да и умъ-то точно ея, всѣхъ бережете, ласкаете и успокаиваете. Моя-то маменька праведница была: звонъ на небеси слышала, всегда молилась со слезами».

Матушка игуменія Измарагда имѣла большое расположеніе къ матушкѣ Алипіи, обо многомъ совѣтовалась съ ней и вѣрила ея святымъ молитвамъ; сама пріѣзжала къ ней и много разъ милостіею присылала ей и намъ, недостойнымъ, гостинчиковъ.

Разъ матушка игуменія Измарагда изволила прислать матушкѣ Алипіи шапочку бархатную свою съ опушкой, которую она радостно приняла, поцѣловала ее, надѣвала ее только пріобщаться, бережно вѣшала ее и закрывала платкомъ, говоря о матушкѣ: «я какъ бы видѣлась съ ней». Въ этой шапочкѣ мы матушку Алипію и схоронили.

Матушка Алипія пріобщалась только разъ въ годъ, а другимъ совѣтовала чаще пріобщаться, чѣмъ многіе соблазнялись. Казначей Клобуковскаго кашинскаго мужского монастыря, бывшій нашъ духовный отецъ I., подавалъ жалобу преосвященному на матушку Алипію, за что много неприятностей она терпѣла; нарочно какъ я думаю, чтобы не ублажали ее, ибо многіе за святую считали матушку Алипію, чѣмъ она очень тяготилась. Однако, дѣйствительно, многіе по ея святымъ молитвамъ тотчасъ же получали выздоровленіе и благополучіе въ дѣлахъ своихъ. Многіе и заочно, письменно, относились къ матушкѣ Алипіи—она съ любовію давала отвѣты, но не всѣмъ: приказывала мнѣ писать и отсылать имъ.

Недалеко отъ родины матушки Алипіи, въ селѣ Шестаковѣ, есть чудотворная икона Шестаковской Царицы Небесной. Въ этомъ селѣ при церкви давно жили дѣвицы, посвятившія себя на служеніе Богу. Онѣ часто ходили за наставленіями къ матушкѣ Алипіи. Она утѣшала ихъ и предсказывала, что скоро въ селѣ ихъ устроится община—дѣвичій монастырь. Онѣ плакали отъ радости и просили матушку Алипію отпустить меня

За 6 рублей.

52 №№ ЖУРНАЛА РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ
до 2.000 ст. текста ЗА 1907 Г.

7 книгъ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ИННОКЕНТІЯ ХЕРСОНСКАГО

До сихъ поръ сочиненія Преосв. Иннокентія, за которыми упрочилось наименованіе «Русскаго Златоуста», были недоступны для большинства по своей цѣнѣ. Настоящее изданіе является первымъ общедоступнымъ.

Оглавленіе: О религіи вообще. Объ откровенной религіи христіанской. Объ откровеніи. Божественное происхожденіе христіанской религіи. Отношеніе христіанства къ другимъ религіямъ. Объ отлѣчѣи нашей церкви отъ прочихъ. О Богѣ, какъ учредителѣ царства нравственнаго или небеснаго. О существѣ, умѣ и волѣ Божіихъ. О Богѣ триничномъ. О сотвореніи міра, о промыслѣ или провидѣніи. О духахъ. Чтеніе евангельскихъ сказаній о земной жизни Иисуса Христа. Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа Иисусъ Христосъ—Искупитель человѣческаго рода. Объ усвоеніи заслѣгъ Христовыхъ. О благодати. Объ отношеніи царства Христова видимаго къ невидимому. Сборникъ проповѣдей.

5 книгъ духовно-нравств. и историч. содержанія:

I. Пустыня. Очерки жизни дрегнихъ подвижниковъ. *Е. Поселянина.* II. Красное Солнышко. Историческая повѣсть изъ жизни Святого Князя Владиміра. *А. Лаврова.* III. Чернецъ Θεодосій. Историческая повѣсть изъ церковно-общественной жизни эпохи Петра Великаго. *А. А. Осипова.* IV. Христіанинъ есмь. Историческая повѣсть изъ жизни святаго-князя мученика Михаила Черниговскаго. *Н. Стрѣшнева.* V. Великій старецъ. Очеркъ Преп. Нила Сорскаго. *Ник. Клименко.*

Въ нумерахъ журнала, между прочимъ, были помѣщены слѣдующія статьи:

О библии. *Иером. Стефана.*—Влудный сынъ. *Е. Поселянина.*—Вотъ илетъ Царь славы. *Свящ. П. Поголя.*—Враги человѣку домашніе его. *Е. Поселянина.*—Гдѣ же Онъ? *Е. Поселянина.*—Духовное собесѣдованіе съ Богомъ. *Свящ. Л. Изва.*—Душа забыта. *А. Терпигорева.*—Земная жизнь Спасителя по Божественной литургіи. *В. Баженова.*—Исцеленіе жемчуга. *Е. Поселянина.*—О силѣ креста. *Иером. Стефана.*—Въ защиту монастырей. *Иером. Алафанскаго.*—О страданіяхъ Христа. *Е. Лаврова.*—Какъ намъ подняться къ небу. *Е. Поселянина.*—Первые шаги нравственной жизни. *А. Терпигорева.*—Открытѣ храмы? *Е. Поселянина.*—Ослушаніе. *В. И. Премірова.*—Привѣтъ міра. *И. Θεодоровскаго.*—Прославленіе твари. *Д. Сочаскаго.*—Противъ кого мы боремся и кто насъ хранитъ. *Е. Поселянина.*—Самовосхваленіе. *А. Терпигорева.*—Нѣчто о жизни и смерти. *Е. Поселянина.*—Въ храмѣ. *Поселянина.*—Ключи въ царство небесное. *Свящ. П. Поголя.*—Ясписъ и Сардисъ. *И. Ю. Ачевъ.*—Христіанская пасха въ столицѣ ислама. *Н. Лендера.*—Пятница—Борь (Пустыня). *И. Баженова.*—Русскія святыни заграницей. *Н. Лендера.*—Въ Сарептѣ Сидонской. *В. Оловьева.*—Демоны въ вѣрованіяхъ древней церкви. *В. Премірова.*—Пастыри народа Божія въ Петокъ. Загѣтъ. *Ф. Киприцова.*—Къ сложнаму сословноству духовенства. *А. И. Владимірскаго.*—Протопопъ Аввакумъ. *Разсказъ Н. Колесникова.*—Ангель. *Разсказъ И. Вавилова.*—Библейская пальма. *Разсказъ А. Королька.*—Вилеємскіе пастухи. *Повѣсть А. Вибико.*—Воистину воскресъ! *Разсказъ Н. Петронина.*—Дочь Израіля. *Повѣсть Раттаца.*—Инокъ-бѣлоглазецъ. *Разсказъ Л. Денисва.*—Крестъ жаны. *Разсказъ Ф. Пестрякова.*—Неласковый пріемъ. *Разсказъ Н. Колесникова.*—Ночью. *Разсказъ Свящ. А. Булатова.*—Товарищи до конца. *Повѣсть М. Караулова.*—Черныя мученица. *Разсказъ П. Оловьева.*—Богъ въ природѣ. *Свящ. Н. Семеновъ.*—На день Воздвиженія Креста. *Е. Лаврова.*—Въ Вавилонскомъ плѣну. *Свящ. В. Вѣликаго,* и много друг.

Книжный складъ П. П. Сойкина, Петроградъ, Стремянная, 12.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1917 Г. (28-й ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

ПРИРОДА и ЛЮДИ

..... Въ теченіе 1917 года подписчики получаютъ:

52 №№ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЛЛЮСТРИРОВАН. ЖУРНАЛА
свыше 1.000 стр. разнообразн., полезн. и увлекат. чтенія: ром., пов. и
разск. Очерки по вѣмъ отрасл. знанія. Отгър. и изобрѣт. Воен. обзоры. Спортъ и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 6 РУБ. съ дост. и перес. по всей Россіи. **5 РУБ.** безъ доставки и пересылки. **50 К.**

ПРИЛОЖЕНІЯ ПО ВЫБОРУ Г.Г. ПОДПИСЧИКОВЪ ЗА ОТДѢЛЬН. ПЛАТУ:

42 КНИГИ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ,
РАЗСКАЗОВЪ, ОЧЕРК. и СТИХОТВОРЕНІЙ

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА ЗА **13 РУБЛЕЙ**
50 К.

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ, ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ, СТАРЫЙ ДОМЪ, ИЗГНАННИКИ, ПОСЛѢД-
НІЕ ГОРБАТОВЫ, ВЕЛИКІЙ РОЗЕНКРЕЙЦЕРЪ, КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ, КАСИМОВСКАЯ
НЕВѢСТА, ЦАРЬ-ДЪВИЦА, ЦАРСКОЕ ПОСОЛСТВО, ЖЕНИХЪ ЦАРЬВНЫ, ВОЛХВЫ, РУС-
СКІЕ КРЕСТОНОСЦЫ, ЗЛЫЕ ВІХРИ, НАВОЖДЕНІЕ, ЦВѢТЫ БЕЗДНЫ, СОВРЕМЕН. ЖРИЦА
ИЗИДЫ, КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ и ДР. РАЗСКАЗЫ, ОЧЕРКИ, СТИХОТВОРЕНІЯ.

Въ длинномъ рядѣ увлекательныхъ романовъ и повѣстей Вс. Соловьевъ
освѣщаль историческія событія и жизнь своихъ героевъ всегда съ благород-
ной, нравственной стороны. У него нѣтъ ничего такого, что дѣйствовало бы
на дурные инстинкты, низкіе вкусы. Въ тоже время полетъ его фантазіи не-
обыкновенно богатъ, высокъ, а карт. жизни, дышать благородствомъ и поэзіей.

Не одни только историческіе романы составляютъ содержаніе прои-
веденій Всеволода Соловьева. У него есть еще цѣлый рядъ разсказовъ изъ
міра таинствен., отъ которыхъ вѣтъ чѣмъ-то чудеснымъ, фантастическимъ.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦІИ ВСѢХЪ НАРОДОВЪ

12 КНИГЪ ИСТОРИЯ НОВѢЙШАГО ВРЕМЕНИ ЗА **6 РУБЛЕЙ**

Александра Торсое. Съ дополненіемъ проф. И. В. Лучицкаго.

Среди многихъ трудовъ по исторіи послѣдняго столѣтія, названное со-
чиненіе датскаго ученаго выдѣляется тѣмъ, что охватываетъ событія, про-
исходившія не только въ Европѣ, но и въ остальномъ цивилизованномъ мірѣ.

На нашихъ глазахъ совершается исторія. Мы являемся свидѣтелями
величайшихъ міровыхъ событий, но то, что происходитъ теперь, неотдѣлимо
отъ исторіи XIX и начала XX вѣковъ. Безъ знанія этой исторіи не можетъ
быть осмысленнаго отношенія къ совершающимся событіямъ; не зная про-
шлаго, мы не поймемъ ни причинъ, ни цѣлей настоящаго.

Каждому подписчику предоставляется право выписать журн. безъ приложеній, либо
съ однимъ или двумя прилож., по собственному выбору. Нѣсколько одинаковыхъ
приложеній при одномъ экземплярѣ «Природа и Люди» разсылаемы быть не могутъ.

Главная Контора: Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д. Изд. П. П. Сойкина.